

18+

ПУКТО и ПЯТОЖЕЛТЪ

Анна Фаер

Никто и Ничтожество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70127497

ISBN 9785006202696

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Она обрезала волосы и отрастила когти, теперь её язык такой же острый, как зубы. Ей разбили сердце, и она разбила в себе всё человеческое, но ничего из этого не смогло её изменить: она ведьма до мозга костей! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Посвящение	5
Глава 1	6
Глава 2	31
Глава 3	66
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Никто и Ничтожество

Анна Фаер

© Анна Фаер, 2023

ISBN 978-5-0062-0269-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Никто и Ничтожество

История, написанная Вселенной

Никто и Ничтожество, так что же в них общего, кроме
НАЧАЛА?

Дисклеймер: Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то ни было других запрещенных веществ. Автор категорически осуждает производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещенных веществ. Наркотики – это плохо!

18+

Посвящение

Лапке, которая оставила на моём сердце не только след, но и царапины. Этот мягкий греющий душу след оказался бесконечно глубже царапин, что не перестают кровоточить даже сейчас. Сквозь реки крови я следовала за ним, чтобы однажды ты оказалась здесь, и мы снова встретились. Встретились как друзья, которых ничто никогда не разлучит, не разлучит даже суровый реальный мир, бушующий за границами нашей волшебной истории.

Правда, полуправда, ложь – это всё расскажу тебе я. Но истина – это то, что тебе придётся найти самой. Она куда глубже правды. И гораздо сложнее. Ищи её за словами и между строк, ищи её среди появившихся чувств и промелькнувших мыслей. Правда поссорила нас, но я надеюсь, что истина нас примирит. Ты только позволь ей явить себя, ты только позволь ей себя явить, ты только позволь. Я прошу.

Глава 1

Волк, ворон и чёрный кот

Эта синяя история, пахнувшая снегопадом и горько-солёная, словно первые слёзы, на вкус, никогда не станет розовой сладкой весной, но взрастит в своей синеве звёзды, что плачущим снегом упадут вниз, и твоё имя, что я снова и снова шепчу, станет желанием, ради исполнения которого тоска, зима и звёзды собрались вместе здесь, на этих прошитых лучами солнца страницах.

Мы встретились в декабре, холодном и насквозь печальном. Солнце так долго было скрыто за облаками, что его существование походило больше на один из мифов, что я читала в школе, чем на правду. Школьные выпускные экзамены остались позади, и, чтобы поступить в МГЛА, мне нужно было всего лишь обзавестись фамильяром и явиться вместе с ним на собеседование за неделю до начала учебного года.

Родители Тан, моей лучшей подруги, отвезли нас в Национальный Парк Фамильяров и Опасных Существ. Полпути мы тихонько ругали магический комитет за то, что они так и не удосужились расселить милых фамильяров и опасных чудовищ по разным заповедникам, а полпути обсуждали то, с кем мы будем возвращаться домой и придётся ли арендовать машину побольше. Папа Тан шутил о львах и жирафах,

а мы искренне смеялись: не потому что шутки были удачными, а потому что у нас было удачное настроение.

Бесконечно-снежные поля за окном внезапно сменились стеной величественного хвойного леса. Никакого плавного перехода. И так же безо всякого плавного перехода мы с Тан оказались у огромных кованых ворот парка. Её радушная матушка выглянула из окна машины, чтобы спросить:

– Девочки, мне ведь не стоит о вас переживать? Вы точно помните правило?

Синхронно, как частенько с нами бывало, мы с Тан ответили:

– Найди то, что ищет тебя!

– Правильно! Обязательно позвоните, когда закончите!

– И не перепутайте опасное существо с фамильяром, – пошутил папа Тан, прежде чем машина тронулась с места.

Мы остались наедине с огромными вековыми деревьями, щедро усыпанными снегом. Когда расстояние растворило гул машины, всё вокруг окутала пугающая тишина. В месте, что хранило верность своему одиночеству, мы были нежеланными гостями, и это ощущалось в потемневшем небе, усилившимся холоде и замогильной тишине, прижимавшейся к нам вплотную.

Всё вокруг было красиво так, как бывает красивым туманное кладбище с покрытыми мхом камнями или цветущая поляна, над которой не пролетает ни одна птица и в траве которой не найти ни одного насекомого. Каким-то исключитель-

но волшебным образом мы видим прекрасное в том, в чём должны видеть предостережение. Ужас до того, как стать ужасом, был красотой. И красота, безусловно, буйствовала и цвела в благородном сочетании серебряного снега и изумрудных елей, тянущихся к свинцовому небу, сердце которого настолько замёрзло, что его слёзы превратились в снег.

Среди красоты столь очевидной, что она настораживала, я почувствовала себя кляксой на полотне шедевра. Природа – прекрасный художник, но не самый лучший стилист. Создавая окружавший меня лес, она явно постаралась больше, чем когда создавала меня. Впрочем, Тан смотрелась достаточно органично в этом шедевре природы, и мне даже показалось, что всё вокруг было всего лишь обрамлением для чего-то столь восхитительного, как она.

Я посмотрела на подругу долгим серьёзным взглядом, вынуждая её принять, наконец, решение, заставляя её действовать первой. И хотя она всегда говорила, что ненавидела это, ей всё же нравилось вести меня за собой. Взяв мою руку, она потянула меня вглубь леса.

Так было ещё с детского сада, она присматривала за мной с самого детства. Наши пакетики для рун были из одинаковой ткани и, не умея ещё читать эти самые руны, мы притворились, что на них написано о величественной и могущественной дружбе, которая между нами завяжется. А когда оказалось, что мы носим одинаковые имена, мы навсегда твёрдо поверили в то, что нам суждено стать друзьями, каких

ещё свет не видывал. С тех пор мало что изменилось, кроме того, что она так и осталась Тан, а я теперь ношу исключительно полное имя – Тантанарет.

Следуя расчищенному от снега пути, мы пришли на просторную поляну, очерченную кругом из ядовитых светящихся грибов. Снега в этом круге почему-то не было, зато в нём стоял парень с льняным пакетом в руках. У ног юноши сидел серебристый пёс с острыми ушами и глупой улыбкой.

– Привет! – помахала ему Тан, пока мы подходили поближе. – Сегодня ведь День Поиска Фамильяров, верно? Я думала, что будет как-то оживлённее...

Парень вздрогнул, потом молча достал из пакета папку, взглянул на бумаги, поднял глаза на нас, ещё раз взглянул на бумаги и бархатистым, как теплая ночь, голосом спросил:

– Тантанарет и... Тантанарет?

– Да! Это мы!

– Вот ваши мантии, – парень протянул нам то, что лежало в пакете, – они белые, так что помогут скрыться, если вы вдруг увидите опасное существо.

– Неужели поможет? – спросила я с некоторой насмешкой.

– Нет, уже десятерых съели, но ничего страшного – больший выбор фамильяров для вас и меньшее количество конкурентов.

– Что?! Нет! Не может быть! Я ещё слишком молода, чтобы умирать! Я не хочу! – запричитала Тан.

Мы с парнем переглянулись и... рассмеялись. Нечасто мне приходится ладить с незнакомцами, поэтому удивилась не только я, но и Тан. Она взяла это в свои руки, и мне не составило труда понять почему. Тан очаровательно улыбнулась своей фирменной, выученной мной наизусть улыбкой прежде, чем спросить:

– Ты не поможешь нам здесь со всем разобраться? О, и как тебя зовут? Ты не представился.

– Я Дико.

– А твой пёс? – поинтересовалась я.

– Это волк! – Дико вдруг жутко рассердился. – Это Илон, и он мой фамильяр! Собаки – единственные животные, которые не могут быть фамильярами, если хотите поступить во «мглу», вам следует знать такие вещи!

Тан присела на корточки и протянула руку Илону. Тот её понюхал и улыбнулся ещё более глупо. Хвост чисто-начисто подметал землю.

– И почему же твой волк не разговаривает? – спросила Тан, глядя снизу-вверх.

– Потому что он немой. Такое бывает.

– Дико, – аккуратно произнесла я, – ты ведь знаешь о том, что волки никогда не виляют хвостом?

– Конечно, я знаю, – хмуро ответил он и наклонился ко мне, чтобы шепнуть на ухо: – У Илона недержание хвоста, и он очень не любит, когда говорят на эту тему.

Я в ответ лишь кивнула и присела рядом с Тан. Илон был

не против, когда я почесала его за ушком.

– Приятно познакомиться, Илон. Кажется, ты хороший пё... Ты хороший волк, я это чувствую.

– Я бы на вашем месте поторопился, – Дико с какой-то тревогой посмотрел на нас. – Я здесь, потому что за мной забыли приехать родители, но все остальные давно уже нашли своих фамильяров и разъехались по домам. Собрание было в час ночи. Не дня. Вы приехали слишком поздно, но руководители, когда увидели, что я всё ещё здесь, попросили выдать вам мантии, если вы двое всё-таки объявитесь.

– Но, – Тан снова начала паниковать, её голос дрожал, – но что же нам теперь делать! Всех лучших фамильяров уже точно разобрали! Я хотела белоснежного песка! С чёрным хвостом. И голубыми глазами. И чтобы нос был розовый. О, а ещё серебряные когти и...

– Что нам нужно делать? – перебила её я, ища во взгляде Дико поддержку.

– Найдите то, что ищет вас, – задумчиво произнёс он, а потом добавил: – Этой фразы будет мало, чтобы справиться. Разойдитесь в разные стороны, вы должны быть одни, чтобы ваши энергетические поля не пересекались. Уйдите далеко. Потеряйтесь. И если вы найдёте своего фамильяра, то он поможет вам найти дорогу назад. А иначе...

– Нас съедят опасные существа, о нет-нет-нет!

– Нет, вы скорее замёрзнете, чем их встретите. Но за парком следит бригада лесничих, так что, если честно, никто

не даст вам по-настоящему потеряться. И на вашем месте я бы уже отправился на поиски. Я серьёзно. Будет чудо, если вы действительно кого-нибудь встретите. Вы даже не представляете, как много людей хотят поступить в этом году.

– Тогда бежим! Спасибо за помощь, Дико, рады были познакомиться! Но всё-таки Илон – это пёс!

Тан, смеясь, убежала, и лишь белая мантия развивалась за её спиной. Я отправилась в противоположную сторону, но остановилась и обернулась, почувствовав на себе пристальный взгляд. Мы с Дико смотрели друг другу прямо в глаза, пока он не смутился и не отвернулся. Тогда мы встретились взглядом с Илоном, и тот вопрошающе наклонил голову. Я в ответ пожала плечами и двинулась дальше, вглубь леса, позволяя себе потеряться в его по-фальшивому невинной белизне.

Мне вдруг очень захотелось, чтобы Дико поступил во «мглу». Но приёмная комиссия должна была быть слепой, чтобы не понять, что Илон не волк. Он был гораздо меньше волка, он вилял хвостом и не разговаривал. Конечно, объяснения Дико были вполне доходчивыми, но как объяснить то, что Илон улыбался? Ни один уважающий себя волк не улыбается. Волки славятся тем, что прячут свои чувства, и лишь тот, кто с ними связан, способен увидеть их улыбку. А Илон улыбался всему миру так, как это делают собаки. У меня была собака, поверьте, я знаю, о чём говорю.

Да, мне очень хотелось, чтобы Дико поступил во «мглу».

Тогда мы бы встретились вновь и... и откуда это странное желание?! Наверное, потому что Дико и Илон действительно определённо точно на все сто процентов по-настоящему нашли друг друга, и это было интересно. Они оба казались не теми, кем являются. Даже не так, скорее они оба казались гораздо более сложными, чем могло показаться на первый взгляд. Но Тан, ах, Тан наверняка решила, что я наконец-то влюбилась. Боюсь, она никогда этого не дожждётся.

Я шла и думала о том, как где-то в лесу, далеко-далеко от меня, сквозь голые колючие заросли и высокие сугробы бредёт Тан. Она бредёт и строит планы на меня и Дико, может быть, мечтает о великолепном изящном песце или всего лишь проклинает то, что поиски фамильяра оказались не приятной прогулкой по морскому побережью, а настоящим испытанием настойчивости и интуиции.

Силуэт от успевшего всего за один месяц стать мифическим солнца исчез, и пространство вокруг осветилось полной луной. Я устала так сильно, что реальные вещи перестали меня интересовать. Я забыла о Тан, которая, возможно, уже ждала меня у ворот парка, забыла о Дико, к которому неустанно весь день возвращались мои мысли, о чём бы я не думала. Я даже забыла о том, что ищу фамильяра.

Всё, о чём я думала, было чем-то теоретически возможным, но не реальным. Бродя по пустоши, на которую я забрела каким-то даже мне самой непонятным образом, я всматривалась в глаз луны и вспоминала легенду, которую слыша-

ла когда-то в детстве от отца. В ней говорилось, что Солнце – глаз Бога. Луна же – глаз Дьявола. Это два глаза одного существа. И это существо страдает, оно наблюдает за нами в надежде скоротать время, в надежде, что высмотрит кого-то, кто спасёт его от страданий, кто сделает его реальность счастливой. Потому что, управляя с лёгкостью нашими судьбами, управлять своей собственной это существо не способно.

Это и есть причина, по которой я решила, что стану волшебницей. Маленькая я, сидящая на папиных коленях, слушающая легенду о Луне и Солнце, решила, что обязательно спасёт это несчастное создание от страданий. Когда подобные легенды читают детям, наверное, взрослые понимают, что этим самым избранным из пророчества каждый малыш непременно посчитает себя. И хотя я повзрослела с тех пор, та детская мечта привела меня сюда. В холодный, тёмный, пугающий, просто отвратительный мрачный чудовищный парк. Наверное, стоило выбрать мечту, что привела бы меня в более приятное место. Но уже было слишком поздно что-то менять.

И тогда я споткнулась о шипящее нечто и растянулась на земле. Стоило приподняться и обернуться, как два зелёных глаза дали мне пощёчину. Да. Одним лишь взглядом. И от этой пощёчины остались царапины, вполне себе реальные царапины.

Чёрный кот! Зеленоглазый чёрный кот! Это ли не типич-

ный добросовестный самый классический и лучший вариант фамильяра! Я, окутанная белой мантией, и кот, чёрный, как смоль, как уголь из ада, как души, продавшихся Смерти людей.

– Ты чёрный, а я белая, – сказала я робко. – Мы будем хорошо сочетаться, не думаешь?

Кот изящно уселся, лизнул лапку, на которую я, похоже, наступила, внимательно её осмотрел, а потом взглянул на меня. И взгляд этот вмещался всего в три буквы – Н. Е. Т.

– Чёрное и белое прекрасно порознь, но вместе они становятся серым, теряя свою уникальную красоту.

По голосу стало очевидно, что я приняла кошку за кота, и было похоже, что этим я сильно её оскорбила. Мне предстояло уговорить эту обиженную чёрную кошку стать моим фамильяром. В конце концов, она была первым живым существом, которое я встретила здесь за пять часов блужданий на холоде, а мне, между тем, очень хотелось поскорее вернуться домой в тепло.

– Мы будем рядом, но не вместе, – возразила я. – Наши цвета не смешаются, но подчеркнут друг друга.

– В чём смысл быть рядом, если при этом не быть вместе? «Какая же ты сложная! Неужели мне не мог достаться кто-то попроще! Ящерица точно не стала бы говорить мне такие вещи. Но ничего. Я обязательно тебе понравлюсь, мне нужен фамильяр, и им придётся стать именно тебе», – подумала я, нахмурившись.

– Осторожнее, голубушка, так твои брови срастутся.

Меня бросило в жар, и чтобы не наговорить того, о чём пожалею, я резко встала с земли, на которой всё ещё сидела после падения.

– Что-то не так? Ты похожа на сутулую побитую собаку. Наверное, холодно без шерсти? Как хорошо, что у меня она есть.

«Я с тебя шкуру спущу! Откуда у тебя такое самомнение! Почему ты не можешь быть кем-то приятным?!» – мысли такого рода роились в моей голове. Но улыбка уже была надета на моё лицо. Быть кем-то другим – самая простая магия из той, что я уже изучила. Я всегда говорила себе: «Будь собой, только лучше». И это, если верить сказанным мной словам, вовсе не значит быть собой. Противоречие, заключённое в этой фразе, несёт в себе столько энергии, что она заставила меня поверить в магию слов. И это не про заклинания, не про старух-шептух, это что-то совершенно другое, что я и намеревалась найти во «мгле». А потому фамилляр был мне просто необходим. «Я сделаю всё, чтобы эта вредная кошка меня полюбила. И безо всяких приворотов, безо всяких привязок. Ты и не заметишь, как я стану тебе нужна!» – решительно подумала я, удерживая на лице улыбку, которая то и дело хотела куда-то сбежать.

Чтобы нас полюбили, мы стараемся быть лучше, чем мы есть, а это непременно ведёт к притворству. Но истинно полюбить нас могут лишь за то, что есть в нас настоящего, и это

следует помнить как негласный закон. Я забывала о нём. И порой всё ещё забываю, потому что любовь готова мне это простить, она всегда идёт на уступки и делает исключения из ею же созданных правил. Столикая любовь под тысячью масок прячет одно лицо. И в тот вечер это лицо закрыло глаза на то, с чего я начала нашу историю. Любовь простила мне ложь. А ты...

– Меня зовут Тантанарет. Я очень хочу, чтобы именно ты стала моим фамильяром, и мне невероятно жаль, что я на тебя наступила...

– Конечно, я понимаю, что, будучи человеком, довольно сложно заметить что-то совершенно ЧЁРНОЕ на абсолютно БЕЛОМ фоне.

– Послушай, – вздохнула я, —это было случайно и мне действительно жаль. И я уже извинилась, поэтому не можем ли мы...

– Ещё чего! От того, что это было не нарочно и тебе очень жаль, что так вышло, моя бедная-бедная лапка не перестанет болеть.

Я тяжело вздохнула. Мои ладони и ступни, казалось, превратились в лёд, нос и уши щипал ночной мороз, а усталость шептала на ухо, что всё станет лучше, если я прилягу вздремнуть на снежное одеяло. Мне было совершенно не до споров с глупой кошкой, самомнение которой было непомерно больше её самой. Но также мне нужен был фамильяр, чтобы выучиться на волшебницу и получить лицензию. А для

этого нужно поступить в МГЛА, что просто невозможно без наличия фамильяра. Ох уж эти законы, призванные контролировать численность бездомных животных...

– Ситуация такая: мне нужен фамильяр и, по всей видимости, ты единственная, кого никто не захотел брать, так что...

– Или, быть может, это я не нашла никого достойного такого невероятного фамильяра, как я.

– Думаю, даже если и были дураки, которые желали чего-то столь скучного, как чёрную кошку в качестве фамильяра, даже они передумали, когда увидели твой мерзкий характер. Я всего лишь хотела подружиться и подписать фамильяров контракт! Я бываю невнимательной и могу случайно причинить боль, но я ведь готова её залечить! И не будь ты такой неприятной, я бы давно уже излечила твою лапку. Но сейчас я намерена искать кого-нибудь другого, ты мне не нужна такая вредная! Знаешь, интуиция говорит, что мы были бы непобедимой командой, непревзойдённым дуэтом, лучшими напарниками и друзьями, но ты мне настолько не нравишься, что слушать её я не буду. А она, между прочим, никогда меня не подводила.

После своей достаточно пылкой речи я круто развернулась, скрестила руки на груди и стала ждать. Но вместо того, чтобы раскаяться и извиниться, вместо того, чтобы рассыпаться просьбами о моём благородном прощении, вместо того, чтобы волноваться о моих чувствах... Вместо всего этого

кошка сказала мне:

– Скатертью дорога, неприятно было познакомиться.

– Ну, всё! – я снова круто развернулась, в этот раз лицом к светящимся зелёным глазам. – Ты сама напросилась!

– И что ты сделаешь? Превратишь меня в жабу? Без фамильяра у тебя нет лицензии на такое.

Я действительно не могла превратить её в жабу, поэтому, став в величественную позу (изящно подняв руку вверх, а вторую спрятав за спиной), я продекламировала:

«Куриный глаз,

Корень лопуха,

Прямо здесь и сейчас

Увижу кого-нибудь, кроме тебя!»

Кошка лишь ухмыльнулась.

– Это ты сейчас заклинание прочла или рэп зачитала?

Пожалуй, в этой ситуации мне ничего не оставалось, как добавить:

– Йоу, я буду счастлива только с чёрным котом! Наши ссоры сейчас, наше счастье – потом!

Кошка вдруг улыбнулась, и промурлыкала:

– Это просто смешно...

«Так тебя нужно было рассмешить! – озарило меня. – Я не смешная, но мои попытки быть такой, кажется, смогут тебя развеселить». И я уже стала придумывать, как вместо конусной шляпы волшебницы примерить на себя колпак шута,

как вдруг черная шерсть на загривке кошки встала дыбом, а за моей спиной раздалось тяжёлое дыхание. И передо мной был всего лишь один вопрос: стоит ли оборачиваться?

Я знала, кто там. Время от времени это случалось. Стоило мне о нём забыть, как он приходил. И потом всё повторялось. Я забывала, а он возвращался, чтобы напомнить о себе, о нас, о нашем договоре.

Дьявол приходит к каждому. К каждому, кому ещё не исполнилось шести лет. Думаю, это именно та причина, по которой все, кого я спрашивала, говорили, что не помнят ничего подобного. Иногда мне кажется, что никто не помнит своё детство так же хорошо, как его помню я. Тогда всё было другим...

Когда я была младше, мой мир был меньше, зато я в нём была больше и значимей. Я стала старше, мир оказался огромным, а я в нём – маленькой. Очередной парадокс, очередное противоречие – взрослые часто оказываются меньше, чем когда они были детьми. И в свои неполные шесть лет я была подобно юному богу, бродящему по клочку земли, ограниченному высоким деревянным забором и вмещавшему в себя почти весь мой персональный мир.

Это случилось перед бурей, я играла на улице во дворе. Небо пожелтело, словно старое фото, и воздух стал таким же тяжёлым, как воспоминания, навеянные старыми фотографиями. Тот момент изначально был похож на воспоминание. Его словно никогда не было, он всегда был только лишь вос-

поминанием, которое я стараюсь забыть. И это воспоминание приходит каждый раз, когда у меня получается. Каждый чертов раз.

Это была огромная жаба, жаба выше моего колена. А я была, между прочим, достаточно высоким ребёнком. Потом он был осьминогом, потом козлом. Форма менялась, но глаза всегда оставались прежними – прямоугольные зрачки, чужие даже в нашем многогранном и пёстром волшебном мире.

Долгое время я думала, что это был Дьявол. Забрать душу ребёнка гораздо проще, чем заполучить душу взрослого. Всего два фактора, которые способны заставить любого ребёнка отдать душу забавной разноцветной рогатой жабе. Во-первых, нужно хотеть чего-то по-настоящему сильно. Во-вторых, нужно верить в то, что своими силами ты никогда этого не получишь. К счастью, дети до шести лет редко хотят чего-то больше, чем жить. К несчастью, я никогда не была из таких детей. Я хотела стать волшебницей. Я хотела, чтобы глаза Солнца и Луны щурились от улыбки. Я даже представляла тогда, что месяц – это радостный прищур. И хотя книги по астрономии уверяли меня, что дело не в счастье и улыбке, я предпочитала свою собственную теорию общепринятым истинам.

И я согласилась отдать жабе свою душу за то, что она поможет мне стать величайшей волшебницей всех времён. В конце концов, её разноцветные пупырышки на теле были такими забавными, а тон таким дружелюбным, а предложе-

ние таким заманчивым, что отказаться было бы просто глупо. Так мне тогда казалось.

Ничего не изменилось в тот день. Началась гроза, и я убежала со двора в дом. Собака, понюхав меня, зарычала, и мама её прогнала на крыльцо. Моя душа была со мной, величайшей волшебницей я не стала, я для проверки попробовала остановить дождь, и это не вышло: наша лягушка, предсказывающая погоду, не изменила своего положения в террариуме. Ничего не изменилось, но почему-то мне было стыдно смотреть в глаза родителям. И я была виновата перед псом, которого выставили из-за меня за дверь.

Позже я поняла, что вот это-то то и изменилось. Маленький червь, грызущий меня изнутри до сих пор, тогда только-только начал расти. Во мне усилилось глубинное чувство вины, которое не всегда легко было объяснить. Я не стыдилась того, что выбрала лёгкий путь. Я не люблю трудности и думаю, что не любить их нормально. И всё же мне было стыдно. Странное чувство, будто ты виновен в том, что ты это ты. Словно ты никогда никому не понравишься, даже если уже есть люди, которые тебя любят. Странное чувство долга страданию, тьме и печали. Что-то странное, что живёт во мне с детства. И в чём виновата лишь я сама.

Птицы, которые жили на деревьях у нашего дома и уносили мою печаль, стали умирать. Они не справлялись с тем, что на себя брали. Их смерть тоже стала моей виной. И потом с каждым годом вины становилось лишь больше и боль-

ше. И тоски тоже. Мне даже приходилось есть камни, чтобы желудок стал тяжелее сердца. Любой другой груз был лучше груза на сердце, мне хотелось о нём забыть. Я изучила столько пород камней, что могла бы получить сертификат геммолога, но это было мне ни к чему, ведь лицензия волшебницы интересовала меня куда больше.

И вот снова, снова рядом со мной стоял огромный чёрный козёл. В его кровавых глазах дрожали прямоугольные зрачки. Рога были острые, как ножи, и казалось, будто концы их измазаны запёкшейся кровью. От его свалывшейся шерсти разило серой, его дыхание было гнилостным, его дыхание пахло смертью. Поэтому я давно уже перестала называть это чистое зло Дьяволом. С тех пор, как я стала Тантанарет, а не малышкой Тани, с тех пор мой Дьявол стал Смертью. И Смерть преследует меня.

– Я соскучился, – трескающимся голосом произнес он. – Покажи мне свою душу. Я хочу забрать её.

Он стоял так близко, что я могла почувствовать зловонное трупное дыхание, даже не оборачиваясь. Я не хотела видеть глаза, которые и без того видела в кошмарах, потому не смела обернуться. Но как всегда твёрдо, твёрдо как лёд декабря, о котором каждый знает, что в марте он растает, вот настолько твёрдо я ответила:

– Сейчас я не отдам тебе свою душу. Уходи.

Я искренне верю, что главное не в том, пообещали ли мы отдать свою душу Смерти или нет. Главное – отдали ли мы

её. И пока что я за свою душу держусь. Пускай это и самое выматывающее, что когда-либо случалось со мной, но я держусь. Я бы предпочла всю жизнь бродить на морозе, проваливаясь в сугробы, теряясь среди одинаковых деревьев и одиночества, чем время от времени встречаться со Смертью. Я слышу её запах, даже когда она не показывает свой облик, пускай я и уверена, что ни один из тех обликов, что я видела, не был настоящим.

Встревоженные зелёные глаза кошки были последним, что я запомнила. И первым, что я увидела, когда проснулась. Я лежала на незнакомой чужой кровати, прикрытая одеялом, обложенная нарезанным луком, который, как известно всем целителям, вытягивает из больных плохое самочувствие. В комнате было очень жарко и душно, мне хотелось плакать и пить. И тут я увидела, что на полу, прямо у изголовья кровати сидит кошка. Она поставила лапки на край матраса и боднула мою наклонившуюся вниз голову. Я опешила.

– Т-ты что такое делаешь?

– Бодаюсь, – таким же растерянным голосом, как и у меня, ответила мне кошка.

– Но у тебя же даже рогов нет...

– Мы, кошки, так проявляем заботу.

– Да? Тогда бодни ещё разок.

– Нет, я передумала.

И сказала она это с такой особенной улыбкой, что ни одно боданье не смогло бы вместить в себя больше любви, чем

было в ней. В тот момент один из зелёных глаз стал оранжевым. Я громко охнула.

– Что? Что такое?! – Тан вдруг распахнула двери и влетела в комнату. – Моя девочка очнулась, хвала богам! Ди привела на помощь лесника, ты потеряла сознание и могла замёрзнуть в снегах!

– погоди, – я присела в кровати. – Ди...

– Дифестемида Иоанна Четвёртая, – поклонилась или, возможно, всего лишь потянулась кошка. – Но не смей меня так называть. Лучше просто Ди.

– Такое роскошное имя, а ты его так легко опускаешь! – поразила я.

– Лучше бы ты у неё этому поучилась, – присела ко мне на кровать Тан. – Ты точно в порядке?

– Конечно...

– Ди сказала, что ты споткнулась об неё и ударилась головой, когда упала.

Я посмотрела в разноцветные глаза Ди, а та отвела взгляд, ведь в её глазах отражалась моя ложь. И всё же я не просила её врать. Но, похоже, мы действительно нашли друг друга: Ди поступила так, как поступил бы любой фамилляр.

– Это всё ерунда, – я обнадеживающе улыбнулась Тан, пока в моей голове всплывало воспоминание о запахе Смерти и чувстве нечеловеческого отчаянья. – Как глупо вышло, что ты познакомилась с моим фамилляром раньше меня.

– Ничего удивительного. Готова поспорить, что ты как

всегда говорила о своём имени, забыв, что у других оно тоже есть.

– Ничего подобного!

– Не обязательно знать имена друг друга, чтобы быть знакомыми, — хмыкнула Ди.

И тогда раздался новый голос, который я прежде не слышала.

– Но если Тантанарет это интересно, то меня зовут Рэйви.

В одно мгновение я увидела косоглазую чёрную птицу, сидящую на распахнутых дверях комнаты, а уже в следующее – удерживала Ди, которую схватила инстинктивно, благодаря выдающейся и, не постесняюсь сказать этого, завидной реакции, которая, к сожалению, просыпается во мне страшно редко. Зубы кошки стучали, а коготки взмеинились в мою всё ещё красную от пережитого холода кожу.

– П-п-птица, – жадно шептала Ди, – это же птица, отпусти меня, я тоже хочу с ней поздороваться.

– Держи её подальше от Рэйви! Поверить не могу, что наши фамильяры не стали сразу же лучшими друзьями, как мы!

– Не переживай, Тан. Мой клюв крепче черпушки этого блохастого коврика.

– Ты что сказала, чудило перьевое?! Повтори! КЛАЦ! КЛАЦ! КЛАЦ!

Мне пришлось ещё сильнее прижать к себе Ди, пока воронесса на двери переступала с ноги на ногу, желая ещё боль-

ше раззадорить Ди. Не знаю, чем бы всё закончилось, если бы в комнату не вошёл двухметровый бородатый мужчина, но одно я могу сказать точно – Рэйви действительно угрожала опасность в тот день.

Вошедшим в комнату мужчиной оказался лесник, в хижине которого мы все находились. Я сразу почувствовала, что он такой же, как и мы. Волшебник, либо когда-то им был, либо когда-то им станет. Словно прочитав мои мысли, Ди сказала:

– Почему кто-то с лицензией на ведьмин камень работает лесником?

Мужчина замер, а потом, потянув верёвочку, висящую на шее, достал из-под клетчатой рубашки треугольный камушек с дырочкой внутри. Он посмотрел сквозь него на Ди и присвистнул.

– Ничего себе! Одним глазом смотришь вперёд, другим назад. Довольно необычно для представителей твоего вида.

– О чём он? – кажется, Ди впервые посмотрела на меня, как на кого-то, чьё мнение имело значение для неё.

– Твои глаза. Они изменились. Один стал оранжевым. Я забыла тебе сказать.

– Как такое можно забыть сказать?!

В комнате снова раздался удивлённый свист. В этот раз лесник смотрел сквозь камень на нас с Тан.

– Что такое?! – засуетилась Тан.

– Я вижу, что это ваша вещая кровать. Какое странное

совпадение, что для вас двоих она одна.

– Не может быть! – Тан взглянула на меня сияющими глазами. – Это ведь практически невозможно! Вероятность найти свою вещую кровать – одна из ста тысяч! А количество производимых кроватей лишь неустанно растёт! Цифры просто ужасающие! И...

– И это действительно поразительно, – закончила я за ней предложение, а потом обратилась к леснику: – Вы позволите остаться нам на ночь?

– Вы уже остались. Вот только вместо того, чтобы спать, шумите и позволяете своим фамильярам ссориться.

– Просто её кошка хочет съесть мою птицу!

– И, позвольте заметить, сэр, это вполне естественно для кошек, —вступилась за Ди я.

– Сэр?

– Тантанарет, ты не в древней Англии! – рассмеялась Тан. – Это дядя Нонм. Мы успели познакомиться, пока ты спала.

– Вот именно. Вы успели, а я нет.

– Ничего, – Нонм добродушно улыбнулся. – Тан рассказывала о тебе так, словно ты пила чай вместе с нами. Так что, по крайней мере, хотя бы я с тобой почти что знаком. А ты познакомишься со мной уже утром. В этот поздний час нужно спать, дети, – ласково сказал лесник, а потом глянул на фамильяров, – а вы двое идёте со мной, я проведу с вами беседу о том, как надо и как не надо вести себя с другими

фамильярами.

Ди закатила глаза, но всё же вышла следом за вылетевшей из комнаты Рэйви.

– Я пойду, – прикрыл за собой дверь мужчина. – Пока разговора не было, мне не стоит оставлять их наедине.

Дверь комнаты медленно закрывалась, а полоса света на стене становилась всё уже и уже, а потом и вовсе исчезла. В темноте Тан забралась под одеяло, повернулась ко мне лицом и прошептала:

– Думаешь, нам нужно украсть у него кровать?

Я не смогла сдержать улыбку.

– Ты же знаешь, что тогда она перестанет быть вещей.

– Не будь занудой!

– Спи!

– Сладких грёз, зануда.

– Спи спокойно, шумелка.

И мы замолчали. Когда Тан мирно засопела, я всё ещё лежала с открытыми глазами. Я думала о Ди, о Смерти, о Дико, о Тан и совсем немного о себе. Было бы здорово обратиться ручьём, стать красивой легендой и перетечь сияющей лунным светом водичкой из правдивой реальности в волшебную сказку. Но для этого надо постараться попасть под какое-нибудь мощное проклятье, да и никому, кроме меня, это не понравится. Так думала я, пока не могла уснуть. Как только что-то оказывается критически важным и срочным, это становится в десятки раз сложнее сделать. Мне нужно бы-

ло уснуть, чтобы увидеть вещий сон. Такой шанс не многим выпадает, знаете ли. И, наверное, ещё меньшее количество людей такой шанс упускают.

Спустя час или несколько часов я всё же уснула. За секунду до этого за окном раздался манящий и торжественный грохот. Откуда-то я знала, что он призывал меня. Но вместо того, чтобы откликнуться, я сбежала от него в небытие, навстречу вещим снам и...

Глава 2

Синие слоны

– Синим слонам?! – переспросила Тан резко, и случайно больно потянула меня за волосы, которые расчёсывала. – Ты отдала свой вещий сон синим слонам?! Как обидно. Ничего нового, мы ведь и так о них всё знаем!

– Потому и говорю, что рассказывать мне тебе нечего. Давай лучше ты. Что снилось? Признавайся.

Тан остановилась и опустила расчёску вниз. Мне пришлось обернуться, чтобы убедиться, что это не потому, что она закончила меня причёсывать. Печаль в её глазах и радостное предвкушение в её взгляде пытались донести до меня её чувства. Мы с ней всегда полагались на себя, на друг друга и на разговоры, что могут решить любые наши проблемы, если мы найдём правильные слова, чтобы описать свои чувства.

– Мне снился Юг, – Тан посмотрела на меня долго и внимательно. – Я была на берегу моря, Рэйви гоняла в воздухе чаек, а по горячему песку за птицами бегали два мальчика, два очень красивых мальчика. Одному было около девяти лет, а второй был чуть младше. Но оба они были невероятно красивыми, вряд ли я смогу описать их словами. Кажется, я была их мамой, а отца их с нами не было. Но я по нему

и не скучала.

– И что дальше?

– Ничего.

– Это точно вещая кровать? – я поджала губы. – Какие-то наши сны обычные, не думаешь?

Тан покачала головой.

– Нет. Возможно, это и не самый увлекательный сон, который может присниться, но я чувствую в нём невероятную энергию. Пока что, наверное, у меня недостаточно опыта, чтобы правильно его трактовать. Но одно я знаю точно: мне суждено жить на Юге. Прежде я всего лишь думала об этом, но теперь это горит во мне настоящим огнём. Каждая моя частичка рвётся на Юг...

– И ты хочешь учиться в южной «мгле»...

Я знала, как тяжело будет произнести Тан это вслух, поэтому решила сказать это сама. Всего в нашей стране есть два места, где можно получить лицензию волшебника – северная «мгла» и южная «мгла». И хотя называются они одинаково, расшифровываются по-разному. И в расшифровке скрыта причина, по которой желание Тан – проблема для нас двоих. На Юге находится Магическая Государственная Лицензированная Академия, а на Севере – Магическая Государственная Льготная Академия. Юг для богатеньких ребят, готовых отдавать за учёбу тысячи и тысячи фурпий. Ну а Север для тех, кто готов учиться бесплатно, соглашаясь на десятки условий, предоставляющих льготы на бесплатное обу-

чение. Одно из таких условий – обязательное наличие фамильяра.

– Папа точно согласится, чтобы я там училась, – сказала Тан, глядя на меня так грустно, словно просила прощение взглядом. – Вся моя душа теперь рвётся на Юг. Ты лучше всех знаешь, как не на месте я чувствую себя в нашем северном холоде и темноте. На Юге я расцвету.

– Ты чего? Словно отчитываешься передо мной. Я буду счастлива, если ты окажешься на своём месте.

– Но я оставлю тебя одну!

– Нет. Ты никогда не оставишь меня одну, потому что мы...

– СЛП, – закончила она за меня предложение.

СЛП – это Самые Лучшие Подруги. Тайное общество, которое мы придумали ещё в детстве, и которое во всём мире включает лишь двоих человек. Потому что дружить – самое сложное на свете искусство. Я бы сказала, что дружба и магия – родственные явления. И то и другое парадоксально и удивительно, возможно, и то и другое кажется чем-то нереальным, но стоит только впустить это в себя, начать дышать этим, как столкнёшься с чем-то, что гораздо больше всего, что подвластно человеку.

Нас постиг кризис в тот год, когда наши души разучились говорить на одном языке, и, сидя в тайном месте (на чердаке моего дома), мы с Тан говорили о перерыве. Остаться вместе было незачем, казалось, годы взаимопонимания и химии

между нами прошли, а впереди лежала пустынная равнина, способная предложить нам лишь жажду по былым временам. Такое бывает, когда находишь кого-то, кто действительно тебе предназначен. Но этот вывод пришёл к нам лишь в конце того дня.

– И что же, – спросила тогда я, – мы так и будем полагаться на детскую сказку о Вселенной, что свела нас вместе? Закроем глаза на то, что наши имена самые популярные в мире и нет ничего волшебного в том, что мы обе Тантанарет? Сделаем вид, что это не обычная случайность, что мы родились в одном городе и пошли учиться в одну школу? Неужели мы будем и дальше притворяться, что нам предначертано звёздами быть лучшими друзьями? Теперь, когда мы выросли, когда мало просто играть в одни игры, что мы будем делать теперь?

– Говорить, – ответила Тан. – Теперь, нам остаётся лишь всё обсудить. Прежде чем мы разойдёмся.

«Тогда давай никогда не замолкать. Даже если в конце это будут лишь крики гнева и стоны боли», – подумала я. И промолчала.

– Знаешь, а мне кажется, что всё это имеет смысл! – Тан решительно глянула на меня, но решительность эта нерешительно просила о поддержке. – Только представь, что Вселенная даёт нам всё, чтобы мы были счастливыми. И всё, что мы хотим. А мы хотим всегда оставаться друзьями, я знаю, что ты тоже скучаешь по прошлым беззаботным дням.

– Кажется, я понимаю, куда ты клонишь, – перебила её я. – Сейчас ты скажешь, что наши лучшие друзья не просто так рождаются нашими соседями, а наши возлюбленные не просто так оказываются однажды нашими одноклассниками, коллегами или знакомыми знакомых. Вселенная следит за тем, чтобы родственные души родились рядом и обязательно пересеклись.

– Именно!

– Но ведь это стирает смысл всех наших действий. Всё-таки должна ведь быть у нас причина, чтобы срываться с места, искать, бороться. Как легко и скучно было бы жить, если бы всё шло в наши руки само.

– В этом вся суть! Наша задача лишь в одном: не проебать.

– Кто бы мог подумать, что это окажется настоящим испытанием.

Мы замолкли. И километры недопонимания, тонны различий, столетия сомнений наполнили комнату между нами. И сердце моё страдало, всё внутри словно забыло, как дышать, и тьма поселилась в лёгких. Ничего не ощущалось больше правильным. И в таком состоянии оставалось лишь пройти километры недопонимания, растолкать тонны различий, пережить столетия сомнений – пройти в другой конец комнаты и обнять Тан.

– Я не потеряю тебя.

– Я тебя тоже.

И мы расплакались. Это было наше «я люблю тебя», но на-

стоящие ведьмы не произносят такие слова вслух. Да и они, эти три слова, не справлялись с тем, чтобы выразить наши чувства. В конце концов, любовь есть и явление, и чувство. Но дружба – всегда только явление, потому что оно вызвано чувством любви, настоящей любви, что бы она ни значила. И всё же с того момента мне стало жаль, что для дружбы так мало подходящих слов. Например, фраза «я вдружился в тебя» могла бы очень облегчить человеческое общение, на мой взгляд. А это лишь первое, что приходит в голову...

– Мы всё-таки такие хорошие подруги! – сказала я тогда Тан, выпуская её из объятий. – Я никого не знаю, кто решил бы этот вопрос лишь разговором.

– Это потому что мы понимаем чувства друг друга. И всегда желаем друг другу счастья.

– Да. Кажется, этого достаточно. Пытаться познать друг друга достаточно.

Я и по сей день думаю, что наши дороги так и не разошлись, лишь потому что мы пытались разобраться во всём до последнего. Мы пытались найти друг друга, даже когда оказались в лабиринте чувств, полном таких чудовищ, как обида, жажда мести, злость и чувство вины. В мире, где никто никого не знает, где никто не знает даже себя самого, любить значит пытаться познать. Это касается и любви к себе тоже.

– Мы должны это как-то отметить! Оставить этот день в истории, пускай пока что она только наша.

– Может быть, даже лучше, если она будет лишь наша, – возразила я. – Только ты и я. Как тайное общество. Сегодняшний день станет праздником нашего примирения, праздником в честь нашей дружбы. Ведь мы самые лучшие подруги.

– СЛП! – вскочила радостно Тан. – Название, которое сможем расшифровать только мы. Но сегодня слишком поздно, чтобы устраивать пышное торжество...

– Значит, сегодня оно будет не очень пышным, но очень торжественным.

В первый День СЛП мы не дарили друг другу дорогих подарков, вроде борокса – камня мудрости, что находят в головах опасных змей или жаб и продают на магических рынках самых опасных районов города. Мы не готовили особых блюд в тот день и не строили грандиозных планов. В тот день, день, когда Вселенная убедилась, что мы с ответственностью и благодарностью относимся к её самым ценным дарам, мы с Тан сидели в комнате, уставленной ритуальными свечами, и смотрели друг другу в глаза. Мы пытались сглазить друг друга, потому что знали, что магия, как и дружба, у нас в крови, поэтому мы всё сможем, даже если пока и не обучались этому в академии.

Почему лучшие друзья могут пытаться сглазить друг друга? О, всё просто! Мы обе обладаем глазами уникального цвета – цвета пепла роз. А пепел розы, если вам по каким-то причинам это неизвестно, используют для инверсии заклинаний.

наний и обрядов. Стоит добавить пепел розы в проклятье, и оно станет благословеньем. И в тот день мы с Тан хотели одарить друг друга счастливым будущем. С того дня, даже если случалось подводить друг друга, поступать эгоистично или по глупости жестоко, мы всегда искренне желали друг другу счастья. И, задев, возвращались с бинтами и йодом, словами сожаления и, главное, выученным уроком о том, как поступать не стоит.

И потому, спустя годы, сидя в домике лесника, я крепко-крепко обняла Тан, говоря: «Как будто какое-то расстояние помешает нам быть СЛП! Юг не другая планета, а будь это другой планетой, я бы построила космический корабль!»

И вопрос переезда Тан в далёкий-далёкий Юг был закрыт. А вот вопрос о моём фамильяре оставался открытым.

– Я буду посылать к тебе Рэйви с вестями, чтобы общение по телефону не уничтожило всю магию. Представляешь, она подписала фамильяров контракт своим же пером! Хорошо, что я у неё лишь одна, иначе она была бы как общипанная курица.

– Фамильяров контракт! – вскрикнула я, а потом прижала рот.

– Что такое? – спросила Тан и сразу же продолжила говорить о себе: – Кстати, я собираюсь вплести это перо в волосы, думаешь, будет хорошо смотреться? Рэйви мне подарила это перо на память. А вообще я нашла в снегу брошь с чёрным красивым камнем, и Рэйви сидела на дереве рядом

с этой брошью. Ещё один подарок. Она очень дружелюбная и щедрая птица.

Я вспомнила о Ди и лишь хмыкнула саркастично. Я совершенно забыла оформить с ней фамильяров контракт. Конечно, это всего лишь формальности, но настоящая ведьма всегда серьёзно относится к документации. Правда, в то время я могла лишь мечтать о том, чтобы быть настоящей ведьмой, поэтому, когда Нонм и Тан с Рэйви готовили на кухне завтрак, а я пряталась от незнакомого лесника в комнате с Ди, ей не составило труда оставить меня без контракта.

– Договор, который ничем не закреплён, – это самый прочный договор, – подозрительно мурлыча, сказала Ди, забравшись ко мне на кровать.

Правда, после этого Ди дотронулась лапкой до оранжевого глаза, словно почувствовав боль. И в этот момент она выглядела так, словно отреклась от только что сказанных слов.

– Что такое?

– Ничего. Просто почувствовала, как сильно ты хотела этот договор. Но, поверь, он нам ни к чему. Мы всегда успеем его подписать.

– Я не знала, что так можно.

– О, дорогуша, никто уже давно не смотрит на бумаги. То, что я рядом, будет лучшим твоим документом.

– Ладно, – я пожала плечами. – Знаешь, а сегодня ты кажешься гораздо приятнее.

– Ты тоже. На морозе во тьме нелегко было быть милыми.

Как насчёт выбраться из твоего убежища и познакомиться с Нонмом?

– Я не из тех, кто любит новые знакомства, Дифестемиды...

Шерсть на загривке кошки встала дыбом, а ушки задрожали. Сквозь острые зубки она произнесла:

– Не называй меня так.

– Прости, – спохватилась я. – Но твоё имя такое красивое!

– Красота мало значит для меня.

– Оно больше, чем красивое. Это имя словно титулет тебя, поверь, я разбираюсь в таких вещах.

– Если хочешь, я могу рассказать, почему это имя мне не нравится.

И в тот момент я допустила ошибку, которая, в свою очередь, породила много других маленьких ошибок, которые падали, словно домино, в сторону конца мира. Вместо того чтобы поинтересоваться историей Ди, я отозвалась вошедшей в комнату Тан.

– Мы накрыли стол! Родители приедут за нами только через час, а дорога долгая, так что нам лучше позавтракать.

– Ладно-ладно, мы идём! Ди, что ты ешь?

– Посмотрим сразу, что мне предложат.

Страшно подумать, что всей этой истории могло бы не быть, если бы я в тот момент обратила внимание на недовольство, зародившиеся в разноцветных глазах моего фамильяра. Но я его не заметила.

В кухне, обитой деревом, было просторно и уютно, как и во всём доме. Нонн сидел за столом и подавал засахаренную вишню Рэйви. Птица сразу же вспорхнула на высокий холодильник, заведя сердитый взгляд Ди. Кажется, все обратили на него внимание, кроме меня. Мне и не приходило в голову, что для неё действительно важно было рассказать о своём королевском имени. Я ведь ещё не знала о том, что Ди окажется немногословной, склонной быть слушателем, а не рассказчиком. Я не знала, как ценна была каждая история, рассказанная ей, лишь потому что мои собственные истории рассказывались без труда.

– Доброе утро, Нонн, – неловко сказала я, присаживаясь за стол.

Вчера вечером лесник казался мне куда более суровым и далёким, вчера вечером он ещё был человеком, который спас мне жизнь. Но уже сегодня всё это словно утратило значение и потускнело. Это был обычный лесник, каких тысячи в тысяче других национальных парках.

– Я рад, что ты встретила хмурую ворчливую кошку, а не кого-нибудь из опасных существ, – сказал он столь добродушно, что Ди даже не обратила внимания на его нелестное описание её характера.

– А велик был шанс встретить кого-то опасного? – спросила я, принимаясь за ещё дымящуюся яичницу с беконом.

– Не больше, чем встретить опасного человека. Между прочим, вы больше меня живёте среди опасных существ.

Вампиры, зомби, призраки, инопланетяне – всё это списано с обычных людей.

– Да? – хмыкнула я, расправляясь с яичницей. – Ну, к вашему сведению, я ещё не встречала вампиров, зомби, инопланетян или призраков.

Нонм улыбнулся так, словно прожил гораздо больше жизней, чем одну, словно объяснял слепому котенку истины зрячего человека. И когда мы с Ди переглянулись в этот момент, я поняла, что ей тоже это не понравилось.

– Всё ты видела, – продолжая улыбаться, сказал Нонм, – только вот ничего не поняла. Не видела зомби? Не видела, как люди преследует других, выедавая им мозг, потому что их собственный повреждён? Или вампиров, которые забирают энергию каждого, к кому подойдут, и становятся лишь сильнее и счастливее от этого? Или инопланетян, которые чувствуют себя в нашем мире чужими и всматриваются в звёздное небо, надеясь хотя бы там разглядеть свой дом? Или призраков, которые давно умерли, но продолжают бродить по свету?

Я прекрасно поняла, что именно он хотел сказать, но почему-то насупилась и даже как-то обижено ответила:

– Нет, ничего такого я не видела.

– Тогда это первый раз, когда ты завтракаешь за одним столом с призраком. Приятного аппетита.

– О боги!!!

Тан подскочила с места и в испуге посмотрела на меня,

не понимая, почему я так спокойна. В этот момент мы с Нонмом и фамильярами громко рассмеялись, а Тан покрылась красными пятнами, как бывало с ней при сильном смущении.

– Нельзя так шутить! – заявила она Нонму, возвращаясь за стол. – Я вот ужасно боюсь приведений. Так страшно было бы встретить что-то, в чём не осталось жизни. Это было бы так холодно и затхло, просто кошмар!

– Значит, тебе должно быть затхло и холодно. Потому что жизни во мне не осталась.

– Это неправда, – нахмурилась я. – Вы встали утром, значит, ещё есть что-то, ради чего Вы готовы вставать. Ничего страшного, если Вы сами не знаете, что это.

– Нет, я встал утром, потому что я всегда просыпаюсь... – он замолчал надолго, а потом неожиданно грустно произнёс: – Она тоже всегда просыпалась. Но я не ожидал застать тот момент, когда она проснётся после своей смерти. Моя бедная Антика теперь одна из безликих этого леса.

Возможно, это было моей ошибкой. Возможно, эта ошибка всегда будет идти за мной по пятам. Но я в очередной раз заметила чью-то боль слишком поздно. И вот, глядя в выцветшие глаза, слезящиеся болью, я поняла, что увела всех в комнату в разговор, избежав которого, мы бы беззаботно болтали о пустяковых, но неплохих вещах.

– Сейчас моё сердце зарёбрилось, но прежде боль была невыносимой. Я не справлялся ещё в дни, когда Антика была

жива. Чем холоднее она становилась, тем горячее становились мои слёзы. Она была моими крыльями, я любил жизнь, делал много и мечтал сделать ещё больше. Но я не знал. Не знал, каким тяжёлым бременем становятся крылья, утратившие способность летать. И с тех пор, как меня придавило этим грузом, я призрак, что живёт болью. Боль, что со мной много лет, – он замолчал, зажмурил глаза так, словно кто-то сжал его сердце стальной рукой с острыми когтями, – за все эти годы я так и не нашёл слов, чтобы описать эту боль. За все эти годы боль стала частью меня. И теперь я больше не нахожу слов, чтобы описать самого себя. Я призрак того, кем был рядом с моей Антикой.

Я словно стояла перед подбитым машиной животным: хочется унести с дороги, но каждое прикосновение станет причиной страданий. Только вот стоять в нерешительности всегда хуже.

– Почему она умерла? – спросила я вслух вопрос, о котором думал каждый в комнате, кроме Нонма.

– Она не умерла, – покачал головой лесник. – Я ведь сказал, что мы с ней из тех, кто всегда просыпается. Она проснулась и ушла. Но без лица. Лес полон безликих, эту хворь невозможно остановить, но я хотел лишь услышать «люблю» до того, как её лицо исчезнет. Одно её «люблю» было ценой всей моей жизни. Видимо, дешёвая цена, а дешёвые вещи она никогда не любила. Но, может быть, – он проглотил ком в горле и продолжил: – может быть, она не знала, как дорого

стоит это её слово. В любом случае, она потеряла лицо, так и не сказав мне этого напоследок. И теперь я уже который год пытаюсь понять, почему она этого не сделала. Ведь мы знали, что она уйдёт в лес, во тьму. Но почему-то она лишила себя последнего человеческого... Самого человеческого жеста, который только есть.

– Как она заболела? – спросила я, чувствуя, что мне следовало бы молчать.

– Это моя вина, что всё закончилось так. Мне следовало бы заметить, что она изменилась, но я думал, что это, хоть и странно, но всё-таки не то, из-за чего стоит переживать. Так всегда кажется, когда до момента трагедии всё было сказочно хорошо. А так всё и было. А потом её доброе любящее лицо стало пропадать, появились злые слова и холодные взгляды. Хоть я и не стал безликим вместе с ней, но после этого моё лицо навсегда потерялось тоже. Я исчез. Каждый безразличный взгляд и злое слово пробивали во мне дыру. Сначала дыра была в области сердца, потом я стал похож на решето, а потом ничего не осталось. Удивительно, что даже сейчас, когда я никто, всё ещё бывают моменты, когда я чувствую себя простреленным насквозь, навывлет, а ведь здесь даже не осталось во что стрелять. Такое бывает, когда я встречаю Антику в лесу, бродящую в темноте, ищущую лица, которые она могла бы похитить.

Раздался глухой стук в дверь, и все мы вздрогнули. Нонм встал, резко отвернувшись от нас, и я была уверена, что он

сделал это не столько потому, что был хозяином дома, вынужденным открыть дверь, а потому что стремился скрыть от нас свои слёзы. Но Антика была слишком холодна, а потому слёзы о ней были слишком горячими. И температура в комнате резко подскочила сразу на несколько градусов. Из-за одной слезинки. Страшно подумать, как кипело и жгло Нонма изнутри.

Как я и ожидала, за дверью оказались родители Тан. Они благодарили Нонма за гостеприимность, пока мы с Тан суматошно одевались, толкаясь в тесной прихожей. Прощание вышло скомканным, но, уходя, я обернулась, чтобы ещё раз посмотреть в залитые болью глаза лесника. Я не могла давать обещаний, которые мне было не под силу исполнить, я была всего лишь подростком, который не умел по-настоящему колдовать. Но всё же я обернулась, чтобы заглянуть в обожжённые горем глаза и сказать своим взглядом, что я найду способ, как всё исправить или буду пытаться его найти, пока не получится. По какой-то причине (возможно, это была интуиция или пробуждающаяся магия во мне) я всей душой прониклась спасшим меня лесником, он словно был моим братом, отцом или верным другом, кем-то, ради помощи кому я готова была бы душу продать. Если, конечно, её можно было бы продавать дважды.

В машине Тан весело говорила с родителями, рассказывала им про свою Рэйви и меня с Ди. Я же всю дорогу смотрела в окно, мои синие слоны трубили, всё ещё надеясь услы-

шать ответ от синих слонов Нонма. И тогда по моей щеке скатилась слеза – не такая горячая, как слёзы Нонма, не имеющая конкретной причины, не ядовитая, а всего лишь солёная, может быть, немного горькая человеческая слеза. Такие слёзы остаются обычно незамеченными. Но с появлением Ди в моей жизни, всё перестало быть обычным. Она не заметила слезу, я успела убрать её со щеки, но стоило мне зашевелиться, как Ди повернулась.

– Что-то случилось?

– Давай я расскажу тебе о синих слонах, хочешь?

И тогда Ди сделала то, чего можно было от неё ожидать. Она сказала так: «Ты не хотела слушать о моём титуле, так что не рассказывай мне о своих слонах. Мне не интересно». Признаюсь, это ранило. От фамильяра ждут чего-то другого, но у нас всё-таки не было контракта, так что мы могли вести себя так, как нам хотелось. И в тот момент мне хотелось рассыпаться на части, я расплакалась без слёз. И я всё ещё не понимаю, каким образом Ди узнала, что мне стало больно, если ни раны, ни слёз её глаза не увидели.

– Ч-что ты делаешь? – прошептала я, когда она забралась ко мне на колени и перевернулась животом кверху.

– Какая ты глупенькая, – хмыкнула Ди. – Давай, почешу животик.

– Зачем? – спросила я, уже опустив руку в чёрный подшерсток.

– Сейчас поймёшь... Три, два, один.

– С чего бы мне искать скворца? – спросила я маму Тан, продолжая чесать животик Ди.

– О, дорогая, чёрная кошка слишком консервативна для тебя. Мы ждали чего-то более необычного.

– А песец разве не необычный?

– Песец подходит страсти нашей Тан к красоте и роскоши. А скворец так обычен, что в нём появляется нечто особенное.

– Просто смирись, что мы оба были далеко от победы, дорогая, – вмешался папа Тан. – О, девочки, смотрите! Он тут с утра лежит.

Мы с Тан посмотрели в окно, за которым промелькнул перевёрнутый грузовик.

– Наверное, очень устал, вот и прилёг отдохнуть, – пошутила я.

– Думаешь? – отозвался папа Тан. – А я уже испугался, что издох.

Все рассмеялись, а потом продолжили разговор о фамильярах, а я опустила взгляд вниз, на колени, на изящное и утончённое тело, гладкую шёрстку и два круглых разноцветных глаза. Они напомнили мне о других глазах, жутких и страшных. И я удивилась тому, что нашлась одна общая черта между Ди и Смертью: они оба казались чем-то нереальным даже в мире, полном волшебства и нереальных вещей. Если вы когда-нибудь всматривались в глаза кошки или Смерти, то должны понимать, о чём я пытаюсь сказать. Вот

я, например, встретила со Смертью гораздо раньше, чем встретила кошку, так что меня удивило, какими невероятными оказались кошачьи глаза, они были словно глазами самой Жизни для меня.

Нас с Ди высадили перед моим домом, когда только-только начало смеркаться. Я неловко замерла, а потом тихо спросила:

– Я возьму тебя на ручки?

– Ч-что?

– Можно мне взять тебя на руки? Я слышала, что котиков иногда так носят. Понимаешь, перед домом лежат терновые ветви, чтобы не подпускать зло, а ты можешь поранить свои нежные подушечки, ведь у тебя нет обуви, как у людей.

– Я этого не выдержу! Ты всегда такая многословная?! Просто возьми меня уже, и пойдём!

– Ох...

Я прижала Ди к груди, и ветки терновника захрустели под моими ногами. Я ожидала услышать вопросы о том, какое такое зло ожидает моя семья, но Дифестемида ничего не стала спрашивать. И чтобы наверняка не спросила, я завела разговор о доме:

– Он довольно просторный, мой дом, но беспорядочный и недостроенный. Мы в семье все довольно ветряные, хотя каждый из нас вкладывает в это слово разный смысл. Это я говорю к тому, что тебе может оказаться сложно влиться. Зато я могу обещать, что тебя сразу же полюбят.

– Меня не волнует, что я могу кому-то не понравиться, меня больше волнует ваша протекающая крыша.

– О, не переживай! С твоим приходом крыша появится.

И стоило нам подняться на крыльцо, как куда ближе, чем звук гонга, что я слышала время от времени на протяжении дня, раздался стук – громкий удар над нашими головами. Сидящая на крыше тонкая фигура, которой был мой папа, поднялась на ноги и помахала нам, крикнув:

– Я ведь обещал, что к вашему приезду успею! Привет, кошка! Я починил крышу как раз к твоему приезду! Как было бы забавно, если бы с твоим отъездом её бы снесло!

– Не будет никакого отъезда! Ты что! Зачем нам дом без крыши! Ди с нами так никогда не поступит, она не оставит нас мокнуть под дождём!

– Хорошо-хорошо, я просто так это сказал. Ди, у нас есть будка во дворе, если хочешь отдельное жильё!

– Ты такой ветряный! – крикнула я папе, и мы оба рассмеялись.

– Чудики, – прошептала Ди, когда я опустила её на пол в прихожей.

Я только сняла одежду, а Ди принюхалась к новой обстановке, как в комнату влетела мама. В её глазах я прочла стремление заставить Ди чувствовать себя членом семьи как можно скорее. Но как-то я не ожидала, что от этого я стану чувствовать себя членом семьи меньше.

– О, какая красавица! Что за глазки, что за лапки! Иди сю-

да, я тебя обниму! Я купила тебе пять разных кормов, чтобы точно нашлось то, что ты любишь. А, может, ты хочешь сметанки? Наколдовать тебе солнечных зайчиков? Я слышала, кошки любят на них охотиться! Ты любишь? – она на секунду перевела взгляд на меня и подарила мне всего одно предложение: – Тан, привет, нужно в магазин за кофе и молочком для кошечки сходить, сходишь, пока не сняла обувь?

– Нет, нет! – Ди подбежала ко мне и потёрлась о ногу, говоря это мягко и слегка взволновано. – Давайте мы побудем ещё вместе с Тан... я нервничаю. Тан, отнесёшь меня в нашу комнату?

– Меня зовут Тантанарет, и это относится ко всем здесь! Не так уж и сложно запомнить. И да, Ди, я отнесу тебя, иди сюда.

Я сказала это, откровенно сговорчески подмигнув, так что мама закатила глаза.

– Ты такая ветряная!

– Потому что твоя дочь!

Мы с ней рассмеялись, а я почувствовала, как Ди прижалась ко мне, прошептав: «Чудики, они все здесь такие чудики». Стоило мне войти в комнату, как Ди тут же спрыгнула с рук и, потянувшись, сказала:

– Ах, не воспринимай всерьёз слова о том, что я хочу провести с тобой больше времени. Просто я хочу провести его меньше с твоими родителями. И, если что, я хотела бы иметь отдельный дом, так что, если будка не воняет собакой,

она моя.

– Хорошо, – кивнула я, присев на кровать, и, словно не услышав её слова, сказала. – Мы можем спать вместе.

– Мы знакомы два дня, дорогая. То, что я прилегла к тебе на колени, ещё ничего не значит.

– Да? А вот я уже привыкла и для меня это много значит!

И, не спрашивая, я усадила Ди на колени и стала чесать ей шейку. Она какое-то время пыталась отвернуться, но потом замурлыкала. Я и не заметила, как она уснула, поэтому пришлось ещё долго сидеть, решая, куда бы её уложить. В конце концов, я уложила её на кровать, а сама решила спать на диване в гостиной. Последние дни были насыщенными, странными и даже пугающими, поэтому уснуть было легко. И даже звуки гонга, долетающие издалека, казались мне колыбельной.

Я проснулась гораздо раньше Ди. Когда я заглянула в комнату, она спала, залитая утренним светом, там, где я её положила, и я замерла в дверях, боясь потревожить её покой, ведь она была той, кто подарил покой мне. Удивительно! Как можно было прожить жизнь, не зная волшебного свойства кошек, успокаивать нервы. Ди подарила мне покой, когда он мне был нужен, и я знала, что она подарит его ещё ни один раз, поэтому мне захотелось подарить ей что-нибудь в ответ. Для начала спокойный сон.

– Мам, пап! – крикнула я в коридоре. – Кто-нибудь дома?

Дома никого не было. Так сказала бы я раньше. Но те-

перь дома была Ди. Побродив по дому, одновременно завтракая, умываясь и одеваясь, я с сумкой для покупок вышла на улицу собранной и настроенной на хороший день. Терновые ветки весело хрустели у меня под ногами, а я двигалась к дороге, ведущей в магазин. Из дома вело всего две дороги: одна в центр города, а другая вглубь леса. Наш городок был одним из затерянных в лесу городков, и в какой бы части города ты не находился, всегда и везде воздух оставался чистым, а чувство, что можно бросить всё и сбежать в лес, став городской легендой и отрастив олени рога, давал силы продолжать двигаться вперёд.

Честно говоря, я не собиралась дарить Ди что-то материальное. Но весёлый хруст терновых веток всё ещё звучал в моей голове, а вместе с ним и мысли о том, что Ди не сможет ходить по этим веткам, не поранив подушечек лапок. Из-за терновника мне приходилось часто менять обувь, и обычно я покупала одни и те же ботинки, из-за чего казалось, что моей обуви уже 10 лет, но я за ней очень хорошо слежу. И вот в очередной раз я оказалась перед выставленными на продажу чёрными ботинками на шнуровке, но впервые я подумала о том, что хочу выбрать что-то новое. Это было странно, очень странно, но розовые сапожки словно притянули к себе мою руку, иначе я объяснить этот выбор не могу. Ведьмы придерживаются одного цвета, я же носила чёрный и белый, но у меня появилось желание добавить что-то ещё. Очень рискованно, между прочим, для кого-то, кто хотел стать об-

разцовый ведьмой.

Я их взяла. Не потому что прислушалась к тайному зову души, а потому что напротив, в детском отделе, стояли крошечные розовые сапожки. Идеальные сапожки для нежных лапок Ди. Правда, для неё пришлось покупать две пары, сами понимаете, кошки.

В момент, когда я вошла с подарком в комнату, Ди сидела в её центре, рассматривая свои лапки. Они сеяли. И по всей комнате были оставлены сияющие золотым светом отпечатки лапок.

– Как красиво, – прошептала я, забыв о подарке.

– Как страшно! Что со мной? – Ди смотрела на меня испугано. – Я ночью каким-то образом успела спастись от зомби, про которых рассказывал Нонм. Где они? Они ведь напали на весь город! Как ты спаслась?

– Зомби? Что? – я опешила.

– Ну, ты тоже там была! Но тебя укусили, мне пришлось идти одной. А ещё там была моя бабуля. Она почему-то скакала на лошади... А лошадь шла на задних ногах... Всё было так странно, я будто чужую жизнь прожила.

И лишь после этого я поняла. Я присела на колени перед Ди, понимающе наклонила голову и мягко спросила:

– Ты никогда прежде не видела снов?

– Ох... Но я думала, что это будет не настолько реально, видеть эти ваши сны. И, если честно, мне было так страшно тебе говорить об этом, ты ведь могла решить, что я сошла

с ума.

– О, Ди, никогда не бойся мне что-то сказать, я всегда буду слушать и стараться понять. Сны? Иногда они настолько реальны, что просыпаешься и плачешь или смеёшься от счастья. Знаешь, это очень похоже на подарок, будто нам подарили возможность прожить, увидеть и прочувствовать больше, чем мы можем, – и тогда я вспомнила. – Подарок! Ди, это тебе!

– Что там?

– Открой, ну же! Это сюрприз! Но ладно, я скажу, сейчас будет страшный спойлер: тебе понравится! Что? Разве не забавно? Ты ведь думала, что я скажу, что там внутри, а я...

– Прекрати, Тантанарет. Лучше открой, у меня ведь лапки, я не могу развязать бант.

Я выронила коробку из рук. Кажется, улыбка на моём лице засияла так же ярко, как следы от лапок Ди.

– Спасибо! Это лучший ответный подарок на свете!

– Что? Но я ведь ничего...

– Моё имя! Это звучит как счастье, как радость, как лучшие времена жизни!

– Для тебя это действительно так важно?

– Я – это моё имя. И я никогда не хотела бы быть кем-то, кроме Тантанарет.

– Я это запомню, – улыбнулась Ди, а потом положила лапку на коробку, – а что там?

– Это поможет тебе даже в двух проблемах, – ответила я,

распаковывая подарочную коробку, в которую поместилось содержимое двух обувных коробок. – Во-первых, ты сможешь бегать в будку по терновым веточкам, а во вторых, никто не заметит, что ты оставляешь следы. Кстати, почему ты их оставляешь? Дай сюда лапку, сейчас смотри, вот так они обуваются, ты даже с лапками справишься. Так вот, я не слышала, чтобы у котиков такое бывало, я сейчас про светящиеся следы говорю.

– Я выросла в Котолонии. И я наблюдала за всем кошачьим сообществом, моя семья была одной из ведущих линий правительства. Но я никогда не видела ничего подобного. Думаешь, мне нужно к врачу?

– Тебе не больно?

– Нет.

– Тогда врач не нужен. Это как твои разноцветные глаза. Просто ты очень особенная кошечка.

– Пф.

– Да! Ты кошка в сапожках! Ты особенная!

– Я не особенная, а странная. Эти глаза, следы...

– Ох, ты ещё и спишь очень долго! Это тоже странно!

– А вот это уже совершенно обычно для кошек. Наша прямая обязанность – много спать. Ты не знала этого о котях?

– Нет, это невероятно!

– Кстати, возможно, поэтому мы редко видим яркие сны.

– Ди! Не интригуй так, рассказывай, рассказывай больше!

Ди смешно с непривычки подошла к зеркалу и посмотре-

ла на своё отражение в полусапожках. Она довольно улыбнулась, и стала с удовольствием рассматривать своё отражение, пока слова, словно древняя сказка, лились из её чёрных, как и пасть, уст:

– Этот мир существует благодаря кошкам. Возможно, люди и могут позволить себе сделать из нас фамильяров или даже питомцев, но это лишь потому, что мы позволяем. Мы сним эту реальность, когда спим. Миллиарды кошек по всему миру засыпают, чтобы увидеть во сне каждую песчинку, каждую травинку, каждого муравья. Поэтому нам нужно так много спать, поэтому нельзя тревожить спящую кошку. Кто знает, вдруг она снит именно твою жизнь? Не стоит рисковать, если не хочешь, чтобы эта жизнь прервалась вместе со сном кошки. Не рискуй, никогда. И, о, дорогуша, это чудесные сапожки! Жаль, я не смогу умыться в них, но мы это переживём.

Часть о сапожках я уже не слышала, я присела на кровать, обхватив голову руками. Мысль о том, что моя жизнь – сон кошки, мне не понравилась. Почему-то у меня даже не получалось представить концепции хуже.

– Это всё правда? – спросила я тихо.

– Во всём есть своя правда, – Ди запрыгнула ко мне на кровать прямо в новых сапожках. – Мы, кошки, любим говорить таинственно. Или говорить лишь один раз. Или вообще не говорить – этот вариант мой любимый.

Я легла на бок и посмотрела в разноцветные глаза Ди.

От мысли, что мы вместе пройдем всю жизнь бок о бок, становилась странно тревожно и воодушевленно.

– Ты переживаешь перед поступлением в академию?

– Нет, – Ди сонно прищурилась, – я всё равно просплю половину учёбы. Те, кто спят на занятиях, котики. Всё очень просто.

– А котики снят этот мир, и их нельзя тревожить, – улыбнулась я и перевернулась на спину. – Я не буду котиком, я буду Тантанарет, и к концу обучения обо мне будут знать все. Я обязательно стану первой в своём роде волшебницей, особенной волшебницей, а ты, – я почесала Ди за ушком, – очень сильно мне в этом поможешь. Вместо плохих снов постарайся увидеть меня сильной и могущественной. И тебя рядом со мной.

– Ты звучишь, как человек с мечтой.

– Да? Пожалуй, так оно и есть. А какая твоя жизненная позиция?

– Я как-то не думала об этом.

– Не думать? Гениально! Я обязательно это обдумаю.

– О, ты похоже из тех, кто не только много говорит, но и много думает о том, что сказать. Большая редкость.

– Да. Я хочу почувствовать, что всё правильно, – вздохнула я, пытаясь избавиться от тяжёлого тумана, живущего в сердце.

– А прямо сейчас что-то не так?

– Я много тревожусь и грущу из-за вещей, которые меня

напрямую не касаются. Но, знаешь, эти дни, что мы знакомы, всё кажется правильным. Как будто нам для чего-то обязательно нужно было встретиться. Может быть, чтобы помочь друг другу. Я всегда приду на помощь, Ди.

– Мне не нужна помощь, – хмыкнула Ди, а потом резко смягчилась: – А какая она, эта твоя академия?

– Невероятной красоты место. Закрой глаза и представь заснеженный замок, но все деревья в разноцветной листве. Только вот это не листва, а зимние бабочки, когда они взлетают все вместе, вид красивее, чем северное сияние. А в холле академии находится фонтан, огромный фонтан, окружённый растениями, в нём плавают золотые рыбки. Говорят, в первый день обязательно нужно в него всмотреться, он может подсказать что-то важное.

– А откуда ты всё это знаешь? – сонно спросила Ди.

– Родители рассказывали, они там учились.

– Без обид, но я бы не стала сильно верить твоим родителям.

– Я знаю. Но всего через пару дней мы будем там. А Тан за тысячи километров от меня...

– Уверена, что в таком месте ты быстро найдёшь кого-то, кто тебе понравится.

– Уже.

– Да? – Ди даже приподняла голову.

– Кое-кто запал мне в душу, он очень интересный и необычный. Думаю, мы будем друзьями, когда начнётся

учёба. Кажется, он любит весь мир, так что я уже полюбила его. Наверное, это всё потому что этот хороший мальчик напомнил мне мою собаку из детства.

– Фу, – Ди поморщилась, – мы с ним не поладим. Я предпочла бы человека похожего на человека, а не какого-то оборотня.

– Что? Я говорю не о человеке!

– О, – протянула кошка, – а я рискнула поверить, что ты успела положить на кого-то глаз.

– Это меня не интересует. Лучше расскажи, что необычного ты знаешь о волках? В Котолонии были волки?

– О, да. Много лет они досаждали кошкам, но сейчас всё забыто. Мне волки не нравятся, но я люблю их песни. Волки – лучшие балладники. И не о чём они не поют так хорошо, как о луне. Ты ведь замечала, как тянется «у» в слове «луна»? Или в «тооп»? Волки придумали эти слова, когда были на луну.

– Хм, интересно, поёт ли о луне мальчик, которого я знаю...

– Прекрати называть его мальчиком! Я думаю о человеческих мальчиках!

– Фуу!

– Фуууу!

Мы тогда рассмеялись. В ту ночь мы смеялись и разговаривали до рассвета. Ди рассказала о том, что их семья была одной из самых влиятельных в Котолонии, пока не обанкро-

тилась из-за безрассудства её братьев, связавшихся с кошачьей мафией. У Ди было много сестёр, и у каждой сестры было сразу по несколько котят, поэтому после банкротства приходилось очень туго. Все разъехались в поисках спокойной жизни, но так они лишь потеряли друг друга. В Котолонии остался небольшой домик на вишнёвой ферме, где жила мама Ди и несколько её сестёр. Но у Ди не было никаких навыков для работы на ферме, она чувствовала себя лишним ртом в семье, поэтому решила уйти.

Чтобы быть фамильяром достаточно пройти курсы по общению с людьми (иногда их проходят даже сами люди), а фонд магического комитета, отвечающий за фамильяров, платит неплохие деньги за работу фамильяром. Так я узнала, что Ди не заинтересована в магии, но заинтересована в деньгах, чтобы посылать их семье на ферму. И я решила тем вечером, что когда придёт время выбирать магическое направление, я приму решение, опираясь на то, насколько много связей мне даст моя сфера. Нужные связи сулят большие деньги, а если Ди поможет мне стать могущественной волшебницей, то с моей стороны будет некрасиво оставить её жить на крохи из фонда магического комитета.

– Не спи в сапожках, – сказала я, снимая с себя свитер и бросая его на пол у кровати. – Пусть лапки дышат.

– Я вымажу кровать в блестящие следы.

– Ничего. Мне они нравятся.

– Будешь снимать штаны? – спросила Ди, бросая сапожки

на пол к моему свитеру. – Так гораздо удобнее, разве нет?

– Обычно я сплю в штанах, но попробую. Теперь, когда мы вдвоём, я точно не замёрзну, так что, почему бы и не снять их.

– Тебе правда нравятся эти следы? Я действительно переживаю о них.

– Они невероятные. Уверена, однажды мы узнаем для чего они. А если нет, то мне достаточно того, что они, оставаясь повсюду, будут мне напоминать о тебе.

– У тебя слишком доверчивое сердце.

Ди положила лапку на ребра, туда, где сердце ближе всего находится к границе тела, а когда убрала, на коже остался сияющий след кошачьей лапки. Она словно прикоснулась к моему сердцу, и от этого касания оно засияло.

– Как татуировка, – сонно пробормотала я, – мне так нравится, мне теперь всё так нравится. Я давно не было настолько счастливой.

Кошкам все эти слова ни к чему, Ди и слова мне не сказала о том, как себя чувствует. Вместо этого оно громко-громко замурлыкала, и лучше ответа, чем этот, быть не могло.

Три следующих дня прошли как один час. День на прощание с Тан и слёзы в аэропорту. День на сборы сумок и трогательные посиделки с родителями. И день, проведённый в поезде, полном подростков и животных, которых мы с Ди сторонились.

Общежитие «мглы» оказалось полупустым. В моей ком-

нате стояло две кровати, но въехала лишь я. Похоже, большинство студентов решили заехать в день посвящения. Весь вечер я раскладывала вещи по полкам и шкафам, думая о том, что начинается самый важный и ответственный этап моей жизни. Ди уснула очень рано, наверное, ей нужно было приснить много песчинок пляжа, на берегу которого находилась МГЛА, в которой собиралась учиться Тан. Прележав с Ди в постели несколько часов без сна, я вышла на коридор, чтоб пройтись. Но дальше лестничной площадки пройтись не удалось.

Это встреча была такой же ожидаемой, насколько неожиданной. Дико сидел на подоконнике с чёрным толстым блокнотом и смотрел на луну, что отражалась в его глазах цвета лани. Вместо того, чтобы поздороваться, я бесшумно вернулась назад в свою комнату, надеясь, что он меня не заметил.

Меня волновали лишь две вещи до того, как появилась третья. Во-первых, почему Дико казался таким грустным и что именно он писал в чёрный блокнот. Во-вторых, ледяной лабиринт, который являлся самым главным и знаменитым развлечением в день посвящения. А третьей вещью, не дающей мне уснуть, стал звук гонга, звук, в котором я успела научиться слышать колыбельную своим мыслям.

Этот звук также стал и моим будильником, будильником, который я забыла поставить накануне вечером. Увидев время на экране мобильного телефона, меня бросило в дрожь.

– Ди, мы опаздываем! Мы опаздываем! – вскричала я,

натягивая лежащие у кровати пижамные штаны и выбе-
гая из комнаты, держа в одной руке растрепанную кошку,
а в другой – куртку, снятую со спинки стула.

Глава 3

Жабьи кости

– Они плятятся? – спросила я Ди, делая вид, что рассматриваю кабину водителя автобуса.

– Ты в пижамных штанах и не мыла голову уже два дня, конечно, они плятятся.

– А нельзя было ответить иначе? Теперь я чувствую себя ещё хуже. Весь автобус меня осуждает.

– Не весь, я ведь тоже в нём, – сказала Ди и прежде, чем я успела расплыться в улыбке, она без сожалений всё уничтожила: – Хотя я тоже тебя осуждаю. Как можно было забыть поставить будильник в такой важный день. Кошки всегда приходят вовремя, мы никогда не опаздываем, а тут такое...

– Да, я сглупила, но почему бы тебе не быть вот настолько милой? – я указала Ди на фигурку собачки, установленную в кабине водителя и постоянно кивающую головой. – Пёсик, я могу пойти на учёбу в пижамных штанах? А я могу не слушать эту занудную серьёзную кошку? А можно я теперь буду завтракать только сладостями? Смотри, Ди, а вот он со мной всегда согласен.

– Вот и дружи с этим болванчиком, очень замечательный дуэт выйдет.

Чтобы её позлить, я закивала, подражая статуэтке, и Ди закатила глаза. И хотя она не улыбалась, я знала, как она ко мне относится, и мне было понятно, что моя ребячливость на самом деле ей нравится. Мы понимали друг друга без слов, барахтаясь на одной волне бескрайнего моря жизни.

Спустя всего две остановки (не опаздывай мы, можно было бы легко пройти их пешком) мы вышли из автобуса. До начала торжества посвящения оставалось всего пять минут, но я не спешила идти в академию, восставшую передо мной ожившей детской мечтой.

– Так сильно стесняешься?

– Я ужасно выгляжу, – я присела перед кошкой. – Я даже не умылась, посмотри на меня. И эти штаны, как я могла забыть о том, что они пижамные! Дура!

– Мы можем кое-что попробовать? – Ди запрыгнула ко мне на колени, а потом забралась на плечи, и положила передние лапки с мордочкой мне на голову. – О, а это гораздо удобнее, чем я думала. Если я буду сидеть у тебя на голове, это отвлечёт внимание от твоих волос. И от тебя. Ах, все будут смотреть только на меня, а я как раз разувалось в автобусе, чтобы умыться.

– Ты всегда замечательно выглядишь, – сказала я задумчиво. – Думаю, это сработает. Ты гениальна. Побежали!

– А в сапожках, без когтей, гораздо сложнее держаться! Я соскальзываю.

– Ты справишься, надо всего лишь привыкнуть!

Мы вбежали в наполовину украшенный дворик «мглы», но кроме фонариков и ленточек, нескольких дворников, убирающих снег, и девушки, державшей список, больше половина пунктов которого оставалась без галочек, там никого не оказалось.

– Погоди, – прошептала Ди, – когда начинается праздник?

– В семь.

– Семь вечера! Тан, кто вообще будет устраивать праздник в семь утра?

– Не называй меня Тан!

– Не беси меня! – прошипела Ди и спрыгнула с моей головы. – Я возвращаюсь в комнату.

– Погоди, давай пройдемся, пока никого нет. Когда соберутся люди, всё будет выглядеть иначе.

– Мне плевать, это твоя мечта, а не моя. Я вот мечтаю выспаться.

Дай мне ключ.

Наверное, это было влияние болванчика из автобуса, но я послушно отдала Ди ключ от комнаты. Она оставляла на снегу отпечатки маленьких сапожек, а я смотрела на них с надеждой, что Ди передумает и вернётся. Но вот вам факт о кошках: они по-настоящему редко передумывают и для них это гораздо сложнее, чем принимать даже самые сложные решения. И вот вам факт обо мне: я всегда принимаю неправильные решения. Я решила отпустить Ди и пойти исследовать академию в одиночку.

Я прошла мимо девушки со списком так, словно во мне не было ничего странного, словно мягкие розовые пижамные штанишки с голубыми слониками и сальной пучок на голове являлись атрибутом любого новоиспечённого студента «мглы». И всё же, когда тяжёлые двери из красного дерева захлопнулись за моей спиной, я испытала огромное облегчение. В холле академии было так пустынно, что каждый мой шаг отзывался громким эхо. Как я и ожидала, огромный фонтан находился в центре холла. Я осторожно подошла к нему и стала рассматривать рыбок, плавающих в лучах восходящего зимнего солнца. Крупные золотые рыбки казались матовыми по сравнению с обыкновенным карасём, что плавал рядом с ними и сиял в лучах солнца, как слиток золота. «Как странно», – только и подумала я. Маленькая скромная рыбка была чужой среди экзотических золотых рыбок, но она казалась их королевой, живущей самой по себе.

– Тебе помочь? – раздался крепкий голос за моей спиной, и рыбки в секунду расплылись в стороны, прячась в тень от кувшинок.

– А?

Я обернулась и увидела перед собой красивого мужчину в шляпе волшебника. Его волосы уже тронула седина, но глаза сложного цвета казались молодыми и удивительно яркими для его возраста.

– Ты ходишь во сне?

– Нет, я путаюсь во времени. Я решила, что посвящение

утром, а не вечером.

– О, лучше бы ты ходила во сне. Наверное, сложно быть глупой.

– Наверное, сложно быть таким красивым, – ответила я, а потом сообразила, как это прозвучало, и меня бросило в жар.

– Я профессор Селам, – сказал мужчина, слегка рассмеявшись, – преподаю вербальное колдовство будущим пропагандистам, революционерам, конспираторам и современным шевалье. Надеюсь, ты будешь не из тех студентов, что посыпают голову пеплом после моих занятий. Таких, между прочим, подавляющее большинство. Я преподаю с надеждой помочь обрести юным волшебникам их самость.

– Да, здорово, – сквозь смущение пробормотала я. – Мне нужно идти. Снять штаны, мне нужно их снять.

– Пардон?

– Переодеться... Я встала не с той ноги.

Профессор одарил меня взглядом, которым меня частенько одаривали люди, что ничего обо мне не знали, взглядом, который я стремилась однажды изменить. Когда я стану ведущей ведьмой своего времени, незнакомцы больше не будут смотреть на меня таким взглядом. Ну а пока...

– Я собираюсь подвергнуть тебя креолизации на своих занятиях, – произнёс Селам серьёзно. – Сейчас ты средней руки ведьма, но мы дематериализуем в тебе всё посредственное.

– Ч-что вы со мной сделаете?

– Я позабочусь о том, чтобы ты никогда не была второй скрипкой. Я вижу, что тебе приходилось это чувствовать прежде.

– Я, пожалуй, лучше пойду, – не поворачиваясь к Селаму спиной, я обошла его и попятилась к двери. – Приятно было познакомиться.

– Да, – задумчиво сказал он, – увидимся на торжестве.

Я выскочила из здания на улицу, прижалась спиной к двери и глотнула ледяного воздуха. Я и не знала, почему моё лицо пылало так сильно: из-за стыда за себя или из-за восхищения профессором Селамом. Что говорить, он действительно был хорош собой, но, что куда важнее, я почувствовала в нём наставника, в котором, как известно, нуждается каждый герой.

– Как я могла назвать его просто красивым, – прошептала я, ударив себя по лбу, – это слишком тихое слово для него. Он само великолепие.

То, что я подобрала недостаточно хорошее для профессора слово, волновало меня куда больше того, что я сказала это слово ему прямо в лицо. В конце концов, мне никогда не было стыдно говорить правду. А профессор Селам действительно был красив. Я закрыла глаза и возродила в памяти его запоминающиеся уникальные черты лица, аккуратный шрам на подбородке и глаза, такие странные-странные глаза. Они не были синими, не были свинцовыми и жёлтыми они тоже не были – в них было всё сразу. Сияющее чёрное солн-

це прорывалось сквозь его занавешенные дождём глаза.

– Ты меня слышишь? Я могу пройти? – с претензией в голосе спросила меня девушка с исписанным листком бумаги в руке.

– О, прости, я задумалась.

– О чём можно так сильно задуматься? – хмыкнула она, отталкивая меня рукой от двери.

– Я только что познакомилась с профессором Селамом. Ты его знаешь? Ты, наверное, тоже что-то преподаёшь?

– Что? Нет. Я выгляжу такой старой?

– Ну, достаточно, чтобы быть взрослой.

– По крайней мере, я не одета в пижаму.

Этот разговор заставил меня вспомнить вечер, когда я познакомилась с Ди. Мы с ней тоже не сразу нашли общий язык, а потом подружились. Так что я решила, что эта девушка обязательно станет моим студенческим другом. Её пшеничного цвета волосы были собраны в тугий до педантичности аккуратный хвост, а взгляд был холодным и решительным. Мне это понравилось.

– Меня зовут Тантанарет, не Тан. Только Тантанарет.

– Меня это не интересует. У меня слишком много дел, знаешь ли.

– Тогда давай я тебе помогу!

Девушка, суетливая, не способная и секунды просто так постоять на месте, вдруг замерла, словно мои слова превратили кофе в её венах в тёплый травяной чай.

– Я была бы благодарна. Мне, и правда, не помешал бы помощник.

– Без проблем! Что нужно сделать? И как тебя зовут? Ты организатор сегодняшнего торжества?

– Я Боко, президент студсовета. Пойдём, я расскажу тебе всё по пути, – сказала она, и мы вошли в холл академии. – Сейчас присядем, и я сделаю для тебя список дел, с которыми ты могла бы мне помочь. Нужно лишь проверить, всё ли установлено и подготовлено для торжества.

– Да, конечно! Это очень здорово!

– Ты всегда так радостно со всем соглашаешься?

– А в этом есть что-то плохое?

– Нет, но мой тебе совет: будь тише. Когда-нибудь слышала о жизнерадостных готовых бескорыстно помочь каждому встречному ведьмах? И я нет. Больше отчуждённости, дорогуша. Ты что, записываешь за мной?

Я смутилась и вернула блокнот в карман куртки. Для кого-то, в ком так много слов, как порой бывает во мне, довольно полезно записывать особенно важные слова, пока они не смешались с остальными.

– Я всё проверю! Куда мне принести отчёт?

– Этим может заняться твой фамильяр. Кстати, где он?

– Кажется, мы поругались, так что она ушла спать. Это кошка, Ди, и она по-настоящему много спит.

– Даже с фамильяром собственным не можешь справиться, – хмыкнула Боко. – Что ж, тогда отчёт занесёшь ко мне

сама.

– А где твой фамильяр? – спросила я с любопытством и без каких-либо претензий.

– Думаешь, у меня проблемы с моим фамильяром?! Все меня слушаются, так что не переживай, моя синичка сейчас решает некоторые вопросы, которые больше никому доверить нельзя. Комната студсовета находится в западном крыле дальнего коридора второго этажа снизу, там оставишь отчёт. Понятно?

– Да, всё понятно, – уверенно кивнула я, ощущая, что ни слова, сказанного Боко, не поняла.

– Держи список, – девушка протянула мне листок. – Постарайся вернуть его до обеда, после обеда я буду готовиться к торжеству. Моё платье нужно ещё забрать из ателье, а причёска всегда требует больше времени, чем кажется.

– Что? Я собиралась пойти в джинсах и просто помыть голову.

Боко взглянула на меня так, как совсем недавно смотрел профессор Селам. Кого-нибудь без мечты такой взгляд мог бы осадить. В нём читалось: «Ты не готова быть волшебницей, если даже не понимаешь законов места, в котором учат магии. Ты не подходишь, ты не вписываешься». Но я давно научилась отвечать на такие взгляды улыбкой. Я ошибаюсь, не вписываюсь, не подхожу только потому, что во мне гораздо больше всего, чем просто способность к магии. Я заключаю в себе достаточно, чтобы выйти за границы привыч-

ного представления о колдовстве и создать нечто большее.

– Ты можешь пойти в джинсах, – наконец сказала Бюко, энергично собирая все свои бумаги в такую аккуратную стопку, что десяток листков показался единым целым. – Я буду ведущей торжества, поэтому мне обязательно выглядеть хорошо. А ты...

– А я побежала выполнять задания! Рада была познакомиться!

Я выбежала на улицу, чтобы обойти академию и оказаться на заднем дворе. Первым пунктом было дерево Дьявола, а я слышала, что оно находится прямо за академией и его невозможно не узнать. Мороз щепал мои щёки, и я улыбалась, думая о том, что Тан где-то далеко-далеко просыпается под шум моря и песни южных ветров. Наверное, она переживает о том, что мне будет одиноко, но, посвящение ещё не началось, а я уже завела новые знакомства. И, возможно, эти знакомства окажутся полезными для моей карьеры ведьмы.

Дерево Дьявола действительно невозможно было не заметить. Огромное, выше академии, раскидистое дерево, ствол которого не смогли бы охватить даже три человека, взявшиеся за руки. Такие деревья есть во всех крупных городах, местах, которые расцвели, благодаря тому, что их заселили самые сильные ковены из всех известных. Давным-давно раз в десять лет дерево полевали кровью ведущей ведьмы, хранящей в себе невероятную мощь, чтобы откупиться от Дья-

вола. И это работало, несчастья, катаклизмы, болезни – всё обходило города с дьявольским деревом стороной. Но спустя сотни лет ритуал жертвоприношения был отменён в связи с введением конституции и законов. Уголовный кодекс не совсем одобрял идею о приношении в дар дереву человеческой жизни. И с тех пор вместо орошения древа кровью ведьмы, его поливают вином и осыпают пеплом, который остаётся от сожжения ритуальной куклы.

И что же я увидела? Это огромное дерево, облепленное бардовым от вина и крови мхом, дерево, ощетинившиеся крепкими голыми острыми ветвями, было увешено светящейся гирляндой и разноцветными бантами.

– Мило, – сказала я себе под нос и поставила напротив первого пункта галочку.

Собственно, я не очень хорошо представляла, чего именно ждала от меня Боко, поэтому решила просто вернуть ей список с появившимися на нём галочками. Для меня же это было прекрасной возможностью познакомиться с обстановкой академии в тишине и покое, от которых вечером не осталось бы ни косточки ни шкурки.

За деревом Дьявола стояла ледяная стена. Я нашла в списке пункт о ледяном лабиринте и поставила напротив него галочку. Любопытство завело меня к входу в лабиринт, но прежде, чем я сделала шаг внутрь, мне на плечо опустилась рука в кожаной перчатке.

– Не ходи туда одна, – раздался уже знакомый голос про-

фессора Селама, – это лабиринт для волшебников и их фамильяров. Это не тот путь, который можно пройти в одиночку.

– О, я не собиралась туда идти, – почему-то соврала я. – У меня здесь список для проверки. Я помогаю Боко. Вы знаете Боко?

– Гораздо лучше, чем тебя. Позволишь взглянуть на список?

– Конечно, вот он. Хотите быть помощником для помощника?

– Хочу убедиться, что из-за твоего маленького неожиданного вмешательства торжество не будет сорвано. Кстати, я оказался здесь вовремя. Я отвечаю за развлечения, а это большая часть пунктов твоего списка.

– И какие же развлечения нас ждут, кроме ледяного лабиринта, в который без фамильяра даже и заглянуть нельзя?

– Литературная викторина!

Я подняла взгляд на лицо Селама, и, уверяю, оно светилось так же ярко, как снег вокруг и огоньки на дереве за его спиной.

– Ничего не имею против, – опять соврала я, – но это кажется не лучшим развлечением для молодёжи, грезящей магией.

– Ах, но что может быть волшебнее того, что способны сотворить слова! Я даже придумал несколько игр специально для этого вечера! Например, я буду озвучивать фразы, ис-

тинный смысл которых можно понять, если заменить каждое слово антонимом.

– Например, фраза «ты не любишь меня»?

– Я люблю тебя! Да, всё верно! Ты схватываешь на лету.

«Что сейчас произошло? Но, кажется, у него от меня хорошее впечатление, и я могу рассчитывать на особое отношение и выдающиеся оценки», – подумала я, следуя за профессором Селамом.

– А здесь у нас находится...

– Это кафе? – перебила его я.

– Да, а напротив место для игры в судьбы. Ты умеешь играть?

– Эти доски похожи на шахматные, – ответила я, разглядывая столики с досками напротив кафе.

– Да, только вместо шахматных фигур используются карточки с различными героями. Я люблю играть мудрецом и иногда жертвой. Думаю, тебе бы подошла фигура бога.

– Здесь тесно, – остановилась я резко, нахмурившись. – А как насчёт того, чтобы расчертить все столы как шахматные доски? Тогда можно было бы одновременно играть и есть. И свободного места стало бы больше. Сейчас здесь слишком уж тесно.

Профессор Селам задумчиво кивнул, а потом сказал:

– Это решает все проблемы, удивительно. Я разругался с Азукором, потому что настаивал на турнире в судьбы, хотя места на праздничной площадке для этого уже не оставалось.

А твоё предложение прекрасно всё решает!

– А ещё можно ввести игру в чертика, – воспользовалась я шансом, зная, что играю в эту игру лучше всех.

Правила игры в чёртика очень простые, и, возможно, вы уже играли в неё прежде. На большом листе бумаге один игрок начинает рисовать схематического чертика, на которого другой игрок кладёт ладонь. А дальше начинается сама игра: чёртику пририсовывает пропорциональные ему руки и ноги, до которых второй игрок должен дотянуться фалангами пальцев, закрыв ими все конечности чертика. Мы часто играли в эту игру с папой в детстве.

– Это слишком простая игра для торжества, – ответил мне Селам. – Так, все пункты в твоём списке в порядке. Твой фамильяр отнесёт бумаги в комнату студсовета?

– Мой фамильяр сейчас спит в тёплой кровати, а я даже не представляю, как мне найти комнату студсовета.

– Как странно. Что ж, тогда я могу тебя провести, нам как раз по пути.

– Было бы замечательно! Устройте мне персональную экскурсию, это ведь просто замечательно!

– Я не говорил ничего об экскурсии, погоди!

Профессор Селам отвел меня в подвал подвала академии и по пути рассказывал о том, что находилось за дверями, которые попадались нам по пути. Прежде, чем зайти в комнату студсовета, я зашла с профессором в его кабинет. Он взял бумаги, которые нужно было отнести директору Азуко-

ру на подпись, чтобы уладить спор о кафе и играх в судьбы, а я стояла у двери и рассматривала причудливую комнату, украшенную различными магическими атрибутами. Меня заинтересовало нечто, спрятанное в банке с формальдегидом.

– Это настоящий чертик, – сказал Селам, заметив моё любопытство. – Я поймал его, будучи ещё студентом. Он хотел унести кусочек моей души, а я хотел сделать открытие. Открытие нового магического вида всегда делает из человека знаменитость.

Я всмотрелась в существо, заточённое внутри банки. Оно походило на тритона, на несколько тритонов, части которых сшили так, чтобы было похоже на другое существо. Меня передёрнуло от мысли, что профессор мог поступить с животным так ради славы.

– Мне нужно отнести бумаги Боко, – заявила я холодно, выйдя из кабинета.

Боко не оказалось в комнате студсовета, и я оставила список, украшенный галочками, поставленными профессором Селамом, на большом дубовом столе. Если ещё несколько часов назад я мечтала оказаться внутри «мглы», то теперь мне хотелось только лежать под одеялом в обнимку с Ди и спать крепким сном. Очень быстро роскошная и мрачная обстановка вокруг стала для меня привычной и неудивительной. Удивительным было только то, что я могла желать чего-то столь обычного столько лет.

Дорога назад в общежитие была куда дольше суматошного пути в академию. Автобус, подобравший меня, оказался утренним: собака на панели водителя всё ещё кивала в ответ на каждую мою мысль. Я немного злилась на себя за то, что не пошла вместе с Ди назад утром. Может быть, именно тогда я начала понимать, что Ди бывает права гораздо чаще, чем я. Мне следовало бы пойти назад утром вместе с ней, потому что в конце, после всех новых знакомств, я всё равно пришла к тому, что нужно поспать. То, о чём Ди говорила в самом начале.

Мы с ней не обсуждали это. Между нами не был заключён контракт, так что я не могла упрекнуть Ди в том, что она оставила меня одну. И я могла понять её, ведь всё-таки по моей глупости ей пришлось пережить столь суматошное утро.

После дневного сна и не очень долгих сборов, мы молча ехали на торжество посвящения в волшебники. Мне хотелось сказать что-то, что могло бы разрушить стену между нами, но всех моих слов было бы мало. Да и Ди, похоже, не любила мои слова. Поэтому я лишь хмурила брови и надеялась, что она сама заберётся ко мне на колени. А Ди тем временем безразлично смотрела в окно, словно её и не волновало всё то, что между нами происходило.

Мы так и остались бы молчать, если бы не серебряная меховая стрела, пущенная в Ди силами нам неподвластными. Это был Илон. Стоило нам выйти из автобуса и немного

пройтись, как Ди резко побежала вперёд, а я остановилась от удивления. А потом мимо меня пролетел Илон.

Кажется, моё сердце стало биться так часто, как, наверное, билось сердце Ди. Я обернулась и увидела такого же растерянного, как я сама, Дико.

– Какого хуя? – только и смогла произнести я.

Эти слова словно вернули Дико в реальный мир, и он сорвался с места, а я побежала за ним. Илон догонял Ди молча, Дико догонял Илона, крича его имя, а я догоняла Дико, рассыпаясь ругательствами. И такой вот цепочкой мы прибежали к дереву Дьявола, туда, где в нарядном платье стояла Боко с микрофоном в руках, окружённая толпой новичков. Ди сидела на самой низкой ветке дерева Дьявола, а Илон энергично прыгал под ней. Ощувив на себе взгляд толпы, я прикрыла глаза рукой и прошептала: «О, нет».

– Прошу сохранять спокойствие, технические неполадки, – нервно рассмеялась Боко и, убрав микрофон, прошипела Дико: – Усмири свою псину, я ведь говорила, что ты в академии и дня не продержишься, придурок.

И хотя утром я решила завязать хорошие отношения с директором студсовета, так как нужные связи всегда и везде делают жизнь лучше, почему-то завязать хорошие отношения с Дико показалось мне важнее. Я стряхнула с себя взгляды толпы и спокойно подошла к Илону, ухватив его за ошейник.

– Фу, – сердито сказала я. – Успокойся.

И Илон осел, послушным пёсиком он сидел у моих ног,

и лишь хвост его метался из стороны в сторону. Ди осторожно спустилась на землю и подошла ко мне.

– Спасибо, – только и сказал Дико, взяв Илона за ошейник и уводя его в сторону.

Они ушли от смеющейся толпы в темноту, а я, взяв Ди на ручки, отошла в сторону. Ди дрожала, но старалась выглядеть невозмутимой.

– Ты не поранилась?

– Нет. Но мои когти испортили обувь. Прости, ты ведь совсем недавно мне её подарили, а я уже её порвала.

Почему-то я рассмеялась, хотя глаза и налились слезами.

– Ты сейчас такая глупая, совсем как я. Так даже лучше, теперь ты можешь даже лазать по деревьям в своих сапожках. Гениально, Ди. Ты умница.

– Чего не сказать об этой дурацкой собаке. Что делает собака в академии? Собаки – единственные животные, с которыми фамильяров контракт не заключается. Погоди... когда ты обсуждала со мной волков и хорошего знакомого мальчика, ты ведь не об этой шавке говорила? Прошу, скажи, что нет.

– Это Илон, и Дико уверен, что Илон волк. Мы должна пойти за ними. Они были так расстроены.

– Серьёзно? Он хотел разорвать меня на кусочки.

– Вовсе нет, – возразила я, прижимая к себе Ди и направляясь туда, куда ушли Илон и Дико. – Илон хотел подружиться с тобой, его хвост не переставал вилять ни секунды, ты

ему очень понравилась.

– А вот он мне ничуть.

– Тише.

Дико сидел на лавочке в пустом парке, который не украсили к торжеству. Освещение было слабым – лишь изящные фонари то тут, то там. Дико сидел, подперев голову руками и глядя на Илона, который положил свою тяжёлую голову на колени парню. Я не видела выражение лица Дико, только его макушку, но мне казалось, что лань, живущая в его глазах, стала печальной ланью, божеством тоски и уныния. Так что я подсела рядом.

– Напишешь об этом в своём дневнике? Если опустить всё плохое, выйдет довольно забавная запись.

Дико поднял голову, но за упавшими волосами цвета пшеницы я не могла разглядеть его глаз. Он тяжело выдохнул, а потом тряхнул головой, откинув волосы со лба. Лань испугано металась, ища убежища, и я предложила найти его, зарывшись в пепел роз.

– Наверное, мы будем жить на одном этаже, – улыбнулась я неуверенно, решая, стоит ли мне много говорить сейчас или нет. – Я вчера видела, как ты сидел на подоконнике в одиночестве. Хотя какое же это одиночество, если ты был в компании своего чёрного дневника. Писал о переживаниях в связи с переменами обстановки? Что?! Мальчики тоже переживают, всё нормально. Мне жутко интересно, что ты писал? Наверное, что-то грустное?

– Да, она много говорит, – боднула мой подбородок Ди. – Но из всей нашей компании я единственная, кто имеет право на такую грустную мину. Улыбнёшься? В качестве компенсации?

Дико улыбнулся одним лишь уголком рта, а потом шмыгнул носом. Это был человек, которому тяжело. И я, решившая стать ведьмой, чтобы даже Луна и Солнце шурились от улыбки, должна была научиться справляться с горем простого обычного человека прежде, чем браться за что-то более сложное.

– Ну и что же ты такое писал? – толкнула я Дико плечом. – Ой, наверное, я надоедливая? И, наверное, от того, что я спрашиваю, тебе говорить ещё меньше хочется? Но я не могу не спросить, мне интересно!

– Это любопытство, а не интерес, – хмыкнул он.

– О! Ты тоже чувствуешь эту разницу, что заключена в словах! Замечательно, мы точно поладим.

– Я писал песню. Илон меня этому научил, волки сочиняют только лунные песни. И я хочу быть первым и единственным лунным певцом.

Илон, услышав в разговоре своё имя, ещё оживлённее завилял хвостом, а потом положил свою голову на мои колени. Ди выгнула спину, но Илон никак на это не отреагировал. И тогда, почувствовав безопасность, Ди наклонилась, пригнувшись к Илону. Это казалось настоящей победой, пока Илон не вывалил язык, чтобы искренне и от души лизнуть

Ди, обшлюнявив ей при этом половину мордочки.

– Бедняжка, – рассмеялся Дико, доставая из кармана пальто белый платочек. – Сейчас я всё исправлю. Ты очень нравишься Илону.

– Жаль, что от этого я чувствую себя плохо, – вздохнула Ди.

Илон наклонил голову, а потом вопросительно посмотрел на нас с Дико, словно ожидая, что мы объясним, как такое может быть. Но я и сейчас не в состоянии объяснить, почему наша любовь может становиться обузой и неприятностью для того, кого мы любим. Разве это не удивительно? Никто не желает неприятностей тому, кого любит, но почему-то очень часто любящие являются неприятностью для ими любимых.

– Я хотел написать песню, которая чувствовалась бы как начало жизни. Так, словно до того, как услышать её, люди не жили. Чтобы писать песни по-волчьи, достаточно найти луну и провода, пять проводов, если быть точнее. И остаётся наблюдать – где находится луна, там и рисуешь ноту. А провода, словно нотный стан, пять параллельных линий. И важно писать одну песню в одном месте и в одном настроении.

– Так ты писал песню! – хлопнула в ладоши я. – Удивительно! Много написал? Думаю, надо успеть написать песню за один присест, потому что потом будет сложно поймать точно такое же настроение.

– Исписал лист, – пожал плечами Дико. – Я не доволен

результатом, но доволен эффектом. Знаешь, как говорят? По яблоку в день – и доктор не нужен, а по листу – так и от психолога можно отказаться.

– Значит, нужно есть яблоко вместе с листочками?

– Она ужасно шутит, – хихикнула Ди. – Я впервые говорю с музыкантом. У меня есть вопрос.

– Я не музыкант. И у меня может не быть ответа.

Ди отмахнулась хвостом и спросила:

– Творцы создают для кого-то, для себя или во имя искусства?

– Я никогда не думал об этом, – растерялся Дико. – Мне хорошо, когда я пишу музыку, поэтому я этим занимаюсь. Я становлюсь счастливым... Или это слишком громко сказано. Наверное, искусство не для того, чтобы делать нас счастливее, а для того, чтобы мы не были ещё несчастнее.

– И почему же ты несчастлив? – спросила я.

– Я хочу петь так, как ещё никто этого не делал. Но пока что всё получается как будто копией чего-то давно уже созданного. Ничто не ново.

– Разве это проблема? Нет подлинных творцов, творец – всегда подражатель. Мир существовал до нас, так что так или иначе мы будем повторять за кем-то. Хотя бы в том, что создаём.

– Веришь в Творца?

– Какая скука! – перебила нас Ди и спрыгнула с лавочки, а Илон радостно встал рядом с ней. – Может, вместо того,

чтобы болтать, насладимся праздником? Я вот ужасно голодная, кое-кто оставил мою мисочку пустой сегодня.

– О, нет! Я была так занята мыслями о том, что ты на меня сердишься, что забыла тебя покормить!

– А я сердилась как раз из-за того, что ты заставляешь меня голодать.

– Да? А я думала, ты злилась, потому что я много говорю. Или потому что разбудила тебя утром зря. Или потому что не вернулась в общежитие вместе с тобой. Или...

– Ты ж моя королева драмы, – сказала Ди, подняв трубой хвост и потёршись о мои розовые сапожки, увеличенную версию её собственных.

Изначально мы направлялись к кафе со столиками, расчерченными в чёрно-белую клетку, но стоило мне завидеть на горизонте ледяной лабиринт, как я увела всех за собой в его сторону. Это очень легко сделать, когда рассказываешь историю, и вместо того, чтобы полагаться на глаза, увлечённые слушатели отдают предпочтение ушам.

– Я имела дело с этим лабиринтом утром, – сказала я сразу всем, пробираясь сквозь толпу к ледяному входу. – Это главное и самое сложное развлечение! Победитель может выбрать приз: стипендию, отдельную комнату в общежитии или зачёт по любому заданию в течение года.

– Стипендия? Деньги? – Ди оживлённо повела хвостом.

– Автоматический зачёт? Я не хочу проходить завтрашнее собеседование! – увлечённо произнёс Дико.

Илон молчал, но глаза его говорили, что он не хочет никаких призов, ему хочется весело провести время с теми, кого он любит всем сердцем. Ну а мы с Ди и Дико загорелись желанием победить. Очередь медленно продвигалась, а вокруг нас стояла кучка девушек, громко обсуждающая несоответствие между количеством парней и девушек среди новичков. Мы стали от скуки прислушиваться к их разговору.

– Я так хотела попробовать много парней прежде, чем определиться, а их здесь оказалось так мало, какая жалость!

– А вот я рассчитываю встретить одного и единственного.

– А мне даже не важно, как это будет, просто дайте кого-нибудь уже наконец.

– Фу, – вмешалась я в их разговор, – мальчики только отвлекают от учёбы. Я хочу полюбить занятия, чтобы стать лучшей из ныне живущих ведьм, и не потерять при этом страсть к магии.

Но девушки не обратили на меня никакого внимания, они уставились на Дико, словно на чудо, и одна из них спросила:

– А ты что об этом всё думаешь?

– Можно мне не участвовать в обсуждении? Меня не очень интересуют мальчики.

– Не очень, – толкнула его в бок я, – то есть всё-таки интересуют, просто не сильно?

И вместе с кучкой девушек я рассмеялась, а Дико и Ди закатили глаза. Теперь, овладев расположением незнакомок, я стала узнавать о лабиринте и том, как стать победительни-

цей. Отчего-то они видели во мне безобидное дружелюбное создание, а не соперницу.

– Ваши фамильяры должны пройти в соседний вход лабиринта, вход для фамильяров, – сказала мне зеленоглазая блондинка, которая явно была сердцем их компании. – Ведь главное в испытании не просто найти выход, а найти своего фамильяра и выбраться из лабиринта совместными силами. Я и моя Эмми знаем друг друга пять лет, уверена, мы сразу же найдём друг друга.

– Ничего, – наклонилась я к Ди, – мы знаем друг друга не так уж и долго, но уже через столько всего прошли. Вместе опозорились, успели поругаться...

– Если что, то ты перечисляешь не хорошие вещи, – хмыкнула Ди.

– Но нас ведь не только плохие вещи связывают! Ты мне открыла целый новый мир, научила стольким вещам – например, спать без штанов.

– Этот диалог становится всё хуже и хуже, я, пожалуй, лучше пойду к входу для фамильяров.

– погоди! Уроборос – символ «мглы», а стены лабиринта закруглённые, так что я думаю, лабиринт построен в виде змея, кусающего себя за хвост.

– О, так ты знаешь схему лабиринта! И как нам из него выйти!

– Понятия не имею, но уроборос символизирует бесконечность и движение космоса. Я теоретик, а не практик.

– Ты меня разочаровываешь, дорогая. Илон, пойдём!
Илон!

Мы с Дико остались вдвоём, девушки перед нами успели пропасть внутри лабиринта. Переглянувшись, мы шагнули внутрь. Количество поворотов просто поражало. Мы с Дико разошлись, и спустя полчаса я уже верила в то, что мы больше никогда не увидимся, и я погибну в ледяном лабиринте. Иногда мне встречались фамильяры и новички-студенты, но я никак не могла найти Ди. Это напоминало День Поиска Фамильяра: холод, темнота и отчаянье, которое мне не хотелось признавать.

Но кое-что сильно отличалось от того дня, когда мы с Ди впервые встретились: теперь я точно знала кого и почему ищу. Раньше мне всего лишь нужен был фамильяр, милый друг, который захотел бы обо мне заботиться. Но теперь мне нужна была Ди, ничем мне не обязанная, своенравная и дерзкая. И я знала, что нужна была ей не меньше. Я, ей нужна была я, а не кто-то другой, даже если бы этот кто-то был бы во всём лучше меня. И моё сердце пылало от осознания этого.

– Ди?! – воскликнула я, заметив за ледяными стенами размытое чёрное пятно. – Ди, стой там, я найду тебя! Я приду к тебе!

Но, к сожалению, мы обе прекрасно понимали, что потеряем из виду друг друга, как только начнём двигаться по ледяному коридору.

– Чёрт! – в чувствах воскликнула я и ударила кулаком по стене.

И случилось что-то неожиданное: в месте, по которому я ударила, осталась расплавленная вмятина. Тогда я приложила к стене ладошку, и меня обдало паром – лёд превращался в воду, что стекала к моим ногам.

– Ди, попробуй расплавить стену! – крикнула я, проходя в следующий коридор.

Стен между нами становилось всё меньше и меньше. Я уверено шла вперёд, пока моё пылающее сердце освещало дорогу и устраняло ледяные препятствия на моём пути. Не знай я, как сильно мне тогда хотелось увидеть Ди рядом, не знай я, как сильно кипела во мне кровь, когда между нами встали ледяные стены, я удивилась бы тому, что человеческое тепло способно растопить толстые стены из прочного льда.

Спустя всего несколько минут между мной и Ди осталась лишь одна толстая-толстая стена из льда – это была несущая стена, если, конечно, в лабиринтах бывают несущие стены. И эта стена была серьёзным препятствием. Это было хорошо, потому что силу чего-либо начинаешь ощущать после того, как это что-то проходит даже через очень серьёзные препятствия и не ломается.

Я присела, чтобы быть на уровне кошки, а Ди наоборот встала на задние лапки, прижимая передние, с которых она скинула сапожки, к стене. Мы уверенно улыбались друг дру-

гу, зная, что теперь, когда мы рядом, нам всё на свете под силу. И тогда, стоило стене растрескаться и растаять, как мы с Ди дали друг другу пять, встретившись ладошкой и лапкой. На моей ладони остался золотистый светящийся отпечаток её лапки и, наверное, в тот момент он навсегда закрепился в моём сердце.

– Ну что, – вздёрнув воинственно подбородок, сказала я, – создадим выход, вместо того, чтобы его искать?

– Давай и впредь так действовать! Это похоже на беспроигрышную тактику.

– Вперёд! Только я захвачу твои ботиночки, минутку!

Я прожигала стену изо льда сверху, а Ди снизу, поэтому это не заняло много времени, и мы удивительно быстро выбрались из лабиринта, оставив за собой лужи воды и разрушенные стены, а ещё ошарашенные взгляды тех, кто проходил лабиринт стандартным способом.

Боко и профессор Салем, подошедшие к нам, не могли найти слов, так что первой заговорила я:

– Это победа, настоящий триумф! Это лучшее из возможных взаимодействий волшебника и фамильяра! Нас не разлучат даже стены изо льда, сначала мы уберём их между нами, а потом разберёмся со всем, что происходит вокруг. У нас есть работающая стратегия. Вот так-то!

– Мы можем это засчитать за победу? – спросила Боко профессора, ошарашено глядя на пленников лабиринта, выходящих из прожжённой нами дыры.

– Думаю, да. Итак, – Селам повернулся к толпе зевак, – приветствуем победителей, прошедших лабиринт Уробороса! А теперь самая главная часть состязание – подарок! Вы уже выбрали, что хотите получить?

Ди потёрлась о мою ногу, громко мурлыкнув, и я потерялась в сиянии её разноцветных глаз. А потом, словно мягкий и нежный удар под дых, меня сбил с ног взгляд Дико, застывшего в прожжённой нами с Ди дыре. И в этом взгляде не было просьбы о помощи, не было ничего такого, что могло бы меня заставить, сказать:

– Я хочу отдать свою победу Дико и Илону. Они не хотят проходить завтрашнее собеседование. Пусть они пройдут его автоматом.

Ди вздохнула, но сказала уверенно:

– Да, мы хотим, чтобы они без собеседования были приняты на обучение в академию.

Мы с Ди прекрасно понимали, что никто не допустит в академию мальчика с собакой. Всем известно, что из мужчин редко выходят стоящие волшебники, это всё же стезя, протоптанная женщинами, и много веков мужчины не допускались к колдовству. Поэтому поступить во «мглу», будучи мужчиной, было гораздо сложнее. А что касается Илона, не было никаких доказательств того, что он был волк, а не пёс, а потому Дико могли не допустить к обучению по причине отсутствия фамильяра.

– Что ж, братец, тебе очень повезло, – сквозь зубы сказала

Боко, а потом глянула на меня так, словно я разрушила её жизнь. – Очень благородный поступок, девочка. Но не забывай, что благородство не красит ведьму.

И я, выступив на шаг вперёд, уверенно глядя перед собой, отчётливо заявила:

– Меня зовут Тантанарет, и я буду первой благородной доброй ведьмой в истории.

Я ожидала замороженной тишины или поражённого вздоха толпы, но столкнулась с гогочущим хохотом. И он мог бы сбить меня с ног, на которых я так уверенно стояла уже много лет, если бы Дико не встал передо мной, словно щит. Смех отразился от его спины, пока он смотрел на меня, скромно улыбаясь.

– Ты спасла нас.

Илон же проявил благодарность куда более бурно, встав на задние лапы и облезав мне лицо. Я переживала за Ди, но, оказавшись удивительно смышлёным, Илон не стал повторять былых ошибок, и вместо того, чтобы облизать Ди, он лишь нежно ткнул её своей вытянутой аккуратной мордочкой.

– А теперь продолжим литературную викторину! – заставил замолчать толпу Селам. – Кто ответит мне, что хотела сказать автор?

– А? Какой автор? – Ди наклонила голову синхронно с Илоном.

– Да не важно, – отмахнулся профессор.

– Что значит «что хотела сказать автор»?! – насупилась я. – Может быть, автор хотел не сказать, а поговорить! Вы такой вариант не рассматривали? Чтобы начать писать произведение, неважно какое, достаточно знать, что сквозь века, расстояния и языковые барьеры найдётся кто-то, кто выслушает, кто захочет поддержать этот странный разговор.

– Прекрасный ответ! Ты наверняка хотела сказать всем этим, что искусство есть казуальная реминисценция жизни творца?

Не поняв и половины прозвучавших слов, я уверено хлопнула кулаком по ладошке и закивала. А потом раздался душераздирающий крик Дико за моей спиной:

– Кто-нибудь, помогите! Здесь слюнотечение! Она потеряла слишком много слюны!

За моей спиной Дико сидел рядом с Ди, державшейся за урчащий животик. Толпа перед нами снова замерла, глядя так, словно мы были главным развлечением того вечера. Подумать только, они были увлечены происходящим чуть ли не до потери способности дышать, но никто из них никак не отреагировал на заявление Дико о неудобной ситуации Ди. Я очень злилась на себя за то, что не покормила Ди ни разу за день, но эта злость никак не помогала Ди в сложившейся ситуации.

И тогда появилась она. Словно зеркальная копия Ди, словно её полная противоположность, трёхцветная изящная кошка вышла из толпы, держа в зубах хлебную мышку. Она

опустила её на землю перед собой и присела, приглашающе глядя на Ди. Тем временем толпа, кажется, кроме способности дышать утратила ещё и способность двигаться. Даже Селам и Боко внимательно наблюдали за происходящим, словно смотрели увлекательный сериал.

Ди, чувствуя на себе взгляды сотен пар глаз, аккуратно вышла вперёд и села напротив белой кошки в чёрно-рыжих пятнах или, возможно, она была рыжей с чёрно-белыми пятнами или даже чёрной с белыми и рыжими пятнами, но всё это не имеет большого значения в истории, о которой я пытаюсь вам рассказать.

Все, включая меня и Ди, наклонились вперёд, чтобы лучше расслышать то, что скажет героическая кошка, но вместо эпической речи, воспламеняющей сердца, кошка сказала «кряк», подмигнула Ди и в два прыжка исчезла в толпе. Ди наклонилась к хлебной мышке, принюхалась, а потом поморщилась:

– Я не ем такое. Но это было мило. Можешь скушать, Тан, ты ешь хлеб, я видела, как ты ела его утром.

– Ну прости меня, ну не злись! Ну что мне сделать, чтобы ты меня простила?

– Ничего, – сказала, как обрезала Ди. – Пойду поищу что-нибудь съедобное.

Так мой фамильяр, захватив свои сапожки, скрылся в толпе, а Дико дал мне аккуратный, но выразительный подзатыльник.

– Ты дурочка?

– В смысле?! – обиженно спросила я.

– Ты, правда, не понимаешь? Что за «ну что мне сделать»?

Разве не очевидно, что она будет снова милой с тобой, как только ты её покормишь?

– Но...

– Что?

– Она уже ушла. Она говорит не тревожить её, когда она злится или грустит.

– Что ж, это твой фамильяр, тебе лучше знать, – ответил мне Дико и после неловкого молчания заявил: – Остался всего час до завершения торжества посвящения, а мы ещё не создали своё первое заклинание. Хочешь, пойдём вместе?

– Да, пойдём, – кивнула я.

И именно так я в очередной раз совершила ошибку, как тогда утром, когда отпустила Ди одну в комнату и осталась в академии. Похоже, я ничего не поняла и не усвоила. Наверное, если история затянется и станет невыносимо тоскливой, можно будет развлечься, посчитав, сколько раз я упомянула слово ошибка до того момента, как произошла главная ошибка, породившая новые миры, новые слова, новые чувства и уничтожившая не меньше этого.

Обряд первого заклинания проходил у дерева Дьявола. Теперь вокруг него стояли столики с различными ингредиентами и латинскими словарями. А ещё у каждого второго столика стоял старшекурсник в чёрной мантии и волшебной

шляпе, и я чуть не свернула себе шею, проходя мимо и заглядываясь на них. Они стояли там для того, чтобы помочь нам, новичкам, с созданием первого заклятия. Мне сложно было поверить, что уже завтра после собеседования я смогу надеть на себя шляпу и мантию, как у скучающих за столиками старшекурсников.

– Я нашла! – крикнула я Дико, застывшему у дальнего столика. – А ты?

– Нет, нигде нет. Мне нужна гитарная струна.

– Это куда сложнее найти, чем жабы кости, – задумчиво сказала я, глядя на косточки, лежащие у меня в ладошке. – Я помогу!

Но спустя десять минут поисков, я поняла, что гитарной струны на столиках у дерева нет. Дико пришлось искать что-то другое, а я сидела на корне дерева Дьявола, и ждала, когда Дико и Илон подойдут ко мне с собранными ингредиентами для их заклинания. От скуки я стала играть с жабьей костью, вращая её между пальцев. И это было весело до того момента, пока я не услышала хруст. Хорошая новость в том, что я не сломала свой палец, и хрустели не мои кости. А плохая новость заключается в том, что я сломала жабью кость.

– Погодите, – прошептала я, прищурившись.

Это была трубчатая кость, поэтому внутри она была поллой. И, хотя в это сложно поверить, я понимаю, но внутри кость была исписана одним и тем же словом. Этим словом было «ква». По какой-то причине информация о том, что на-

ши кости полны вещей более значимых, чем костный мозг, нервы и кровеносные сосуды, отсутствует в учебниках анатомии, но мне незачем вам врать. Внутри жабьей кости на самом деле были выцарапаны слова. Я не успела обдумать это, я успела лишь обдумать то, каким образом, где и в какой атмосфере я буду об этом думать. Ход моих мыслей нарушил Дико.

– Дай мне свой волос, пожалуйста.

– Конечно, вот, держи.

– Что? Так просто? Я минут десять собирался с духом, чтобы попросить. Всё-таки мы почти незнакомы...

– Ещё успеем познакомиться, – уверено ответила я. – Я вырыла для своего заклинания ямку, мне хотелось вырыть её и для тебя, но заклятья должны от начала и до конца совершаться одним лицом. Правило номер тридцать девять волшебного устава, сам понимаешь.

Дико быстро вырыл ямку рядом с моей, залил её мёдом, бросил туда два волоска, закрыл глаза и прошептал что-то тихо-тихо, так что я не смогла его услышать. Я же, поняв, что ничего интересного о Дико так не узнаю, занялась собственным заклятием. Похоронив жабы кости, я порезала руку и полила могилку своей кровью, приговаривая: «Кровь утопит моё горе, жабы кости под землёй. Я творец, я творю слово, приходи за ним, а не за мной!»

– Вот и всё, – я поднялась с колен и радостно улыбнулась Дико. – Теперь всё будет хорошо! Этот день, как и все преды-

душие, было тяжело проживать. Но теперь будет легче.

– Ты меня тревожишь, – Дико достал белый платочек из кармана и стал перевязывать мне ладонь.

– Это что, тот платок, которым ты вытирал слюни Илона с Ди? О, кстати, а Боко твоя сестра? Весь вечер забываю об этом спросить.

– Не будем говорить об этом, хорошо?

– Но это ведь не ответ!

– Нет, это тоже ответ.

– А мне так не нравится, – хмыкнула я. – Счастливо оставаться, я спрошу у неё самой! Мы уже почти подружки!

И я сорвалась с места. Пока я бежала под гирляндами светящихся фонариков, пока моя порезанная рука ныла от боли, пока я чувствовала, что поступаю противоречиво, но не плохо и не хорошо, я чувствовала себя как никогда живой. Я снова чувствовала себя маленьким ребёнком, который не знает слова «страх», который не скучает, даже когда остаётся один, я снова была собой. Моё заклинание действовало.

– Привет! – подлетела я к Боко. – О, ты... уходишь?

– Да, торжество закончилось.

– Как жаль, мне так хотелось познакомиться с тобой ближе. Ну, знаешь, подружиться.

– Да? – Боко опешила. – У меня нет на это время, мне нужно уладить все те неприятности, что ты причинила. Мой фамилляр как сквозь землю провалился, отчёты не готовы, ледяной лабиринт разрушен, а торжество вышло как какое-то

цирковое представление. И со всем этим должна разбираться я! Всего хорошего, – резко сказала она, круто развернувшись, и однозначно не желая мне ничего хорошего.

Я осталась одна. Все уже разошлись, к Дико мне почему-то не хотелось возвращаться, наверное, потому что мой интерес к их с сестрой отношениям только распался, и я не смогла бы удержать себя от неприятных ему расспросов.

– Тоже не хочется ехать домой? – откуда-то ко мне подошла одна из тех девушек, что я видела у входа в лабиринт.

– Совсем не хочется, – согласилась я.

– Тогда давай прогуляемся, я знаю одно место!

Проделав длинный запутанный путь, мы перелезли через чей-то забор и направились к элегантному дому, украшенному колоннами и множеством изящных балкончиков. Не то, чтобы мы много говорили с девушкой, что привела меня туда, но нам достаточно было того, что мы вместе делали что-то рискованное и, по всей видимости, нехорошее. Тогда мне казалось, что этого более чем достаточно, чтобы с кем-то поладить. Но такого рода вещи ни разу не о дружбе. В какой-то момент я заметила, что осталась одна. Я даже не могла понять, когда именно меня оставили одну, и куда можно было скрыться так незаметно и быстро.

– Стоять! – раздался голос, напугавший меня до дрожи в коленях. – Вот ты и попалась! Я тебе покажу, как пробираться на частную собственность!

В одну секунду меня схватили за шиворот куртки и по-

волокли внутрь дома, вдоль стены которого я пробиралась за компанию с... Я даже не знала имени девушки, которая связала меня во всю эту историю!

Внутри дома меня встретил молодой человек с чертами лица, казавшимися мне почему-то знакомыми. Преисполненный внешним великолепием, опустошённый внутренним ничтожеством, он олицетворял до красивого уродливое противоречие. Эта уродливая красота знакома многим из нас. Он прятал её за бархатным бордовым халатом и гримасой злости на лице.

– Ты следила за мной?! Нет, ты собирала информацию! Очередная фанатка, как я устал от всего этого!

Охранник подтолкнул меня вперёд, в центр комнаты, и я, растеряно посмотрев на холеного мужчину перед собой, спросила:

– А Вы кто?

Он опешил всего на секунду, всего на секунду сквозь гримасу злости промелькнули усталость и печаль, а потом он снова начал кричать, как истеричная женщина:

– Да как ты можешь не знать, кто я! Все знают, кто я! Лучше скажи, кто ты!

– Я Тантанарет, – ответила я спокойно, сообразив, что ничего серьёзного мне не угрожает. – Я была на посвящении в магической академии, а потом как-то забрела сюда. Я плохо знаю местность. И плохо ориентируюсь во времени.

– Что будем делать, господин? – спросил охранник. – Ка-

жется, она говорит правду.

Молодой господин достал телефон из кармана халата и настрочил кому-то длинное сообщение. Потом, убрав телефон, он одарил меня долгим взглядом и спросил:

– Ты на самом деле не знаешь, кто я?

– Понятия не имею, – честно ответила я.

– Чем же ты занимаешься в свободное время?

– Хотите меня куда-то пригласить?

– Что? – резко выпалил охранник.

– Ч-что? – синхронно с ним произнёс хозяин дома.

– Что? – удивилась я. – Разве разговор шёл не к этому?

Наверное, я плохо понимаю мотивы и вообще, ну, знаете, смысл происходящего. Я вышла прогуляться за стенами академии с незнакомой студенткой, а потом она исчезла, и тут этот охранник...

– Хочешь чаю? – вдруг спросил молодой господин.

– С печеньем?

– Будет тебе печенье. Проходи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.